

№11
Ноябрь 2012

ТРУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

175

175

Международный культурно-просветительский Союз „Русский клуб” объявляет

КОНКУРС ДЕТСКОГО РИСУНКА “ОТЧИЗНА СЛАВНАЯ МОЯ”

К 175-летию со дня рождения великого грузинского писателя Ильи Чавчавадзе

Конкурсные работы должны быть созданы по произведениям Ильи Чавчавадзе. Приглашаем принять участие детей и подростков в возрасте от 5 до 17 лет, проживающих в Грузии и за рубежом.

Победители будут определены в 3-х возрастных группах:

- от 5 до 8 лет;
- от 9 до 13 лет;
- от 14 до 17 лет.

Жюри Конкурса назовет трех победителей в каждой возрастной группе.

От одного автора на Конкурс принимается не более 3-х рисунков, выполненных в любой технике на листах формата А4 или А3.

На обратной стороне конкурсной работы укажите фамилию и имя конкурсанта, дату рождения, место учебы, домашний адрес, телефон, адрес электронной почты. Неподписанные рисунки к Конкурсу не допускаются.

Торжественная церемония награждения победителей состоится на открытии выставки конкурсных работ в Театре им. А.С. Грибоедова (точная дата церемонии награждения будет объявлена дополнительно).

Все работы будут представлены на сайте МКПС „Русский клуб”

www.russianclub.ge и на выставке в фойе Театра им. А.С. Грибоедова на протяжении новогодних каникул.

Последний срок приема работ 1 декабря 2012 года.

Рисунки принимаются по адресу:

Тбилиси, пр.Руставели, 2, Театр им. А.С. Грибоедова (служебный вход), 8 этаж, комната 812.

Справки по телефонам: 293 43 36; 299 77 06.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№11⁽⁸⁵⁾
Ноябрь 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ПАСТЫРЬ НАРОДА
ГЕОРГИЙ АБАШИДЗЕ
- 9 ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ. СТИХОТВОРЕНИЯ
ПЕРЕВОДЫ КАМИЛЛЫ-МАРИАМ КОРИНТЭЛИ
- 10 В ДОМЕ ЖДАЛИ ГОСТЕЙ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 13 ИСПОЛНИЛ ДОЛГ ВЕЛИКИЙ СВОЙ
- 14 НАИВНОЕ ОДИНОЧЕСТВО ГЕНИЯ
НИКА КВИЖИНАДЗЕ
- 18 ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ. СТИХОТВОРЕНИЯ
ПЕРЕВОДЫ ПАОЛЫ УРУШАДЗЕ
- 20 ВЕЛИКОЙ ФАНТАЗИИ ЧЕЛОВЕК
ВИКТОРИЯ ПОПОВА
- 22 ГЛЯДЯ НА ВОСТОК
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 26 ШАГАЮЩИЙ ПО ВЕРШИНАМ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 30 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 35 СВОИМИ ГЛАЗАМИ
НАМИ МИКОЯН
- 40 ЗАРЗМА – СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ
КЛАРА БАРАТАШВИЛИ
- 46 ОБГОНЯЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 49 ПРИХОДИ И ПРИВОДИ ДРУЗЕЙ
НИНО ДЖАВАХЕЛИ
- 50 «БЕЗ ЭЛИЧКИ НЕ МЫСЛЮ СЕБЯ В ТБИЛИСИ»
ЛИЯ БУАДЗЕ
- 53 III ФЕСТИВАЛЬ РОССИЙСКОГО КИНО В ТБИЛИСИ
- 54 КАК ПРОЩАЛЬНЫЙ ПРИВЕТ
ИНГА ГАРУЧАВА, ПЕТР ХОТЯНОВСКИЙ

На обложке – Илья Чавчавадзе - 175

На четвертой странице обложки - Керамические плитки
по эскизам Резо Габриадзе

ОТ ДО

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БИЛЛИ ПИЛИГРИМА

Он был очень высокий, кудрявый, рыжий, в круглых очках. И очень любил кепки в клеточку. А еще он без конца рассказывал анекдоты. В самых неподобающих местах – во время присуждения премий, во время проповеди в воскресной церкви, во время лекций в университете и чуть ли не на собственных похоронах. 11 ноября этого года бы ему исполнилось 90 лет. Если резко снять с него очки, у него были детские глаза. Немудрено, что он написал самую пронзительную книгу о войне – «Бойня номер 5 или крестовый поход детей». И написал ее, как он сам говорил, «в телеграфно-шизофреническом стиле». В этой книге он описал безжалостную бомбардировку союз-

никами абсолютно беззащитного немецкого города Дрездена, где он сидел в немецком лагере как военнопленный. Его звали Курт Воннегут.

Это был блестящий остроумец и почти что великий писатель. Великим, наверное, станет лет через 45-50, когда пройдет больше времени от короткого мига его жизни. Самое удивительное, что его охотно печатали в Советском Союзе. Знали бы эти идеологи, каким бескомпромиссным их врагом он был. Но их магнетизировала его антивоенная направленность и его вечный «марктовенский» смех. Чего только стоит его обещание сделать так, чтобы в экранизации вышеупомянутой книги не смогли принять участие ни голубоглазый Фрэнк Синатра, ни мужественный Джон Уэйн. И он так и не

остановился – все его книги были безжалостно смешными. И «Колыбель для кошки», и «Завтрак для чемпионов», и «Сирены титанов». И даже когда он, став классиком, получил право читать почетную лекцию в любом из университетов мира, он назвал ее «Как получить такую доходную работку, как у меня». И студенты во всех уголках мира до слез хохотали полчаса.

КАНДИДАТСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ НЕ БЫЛА ЗАЩИЩЕНА

19 ноября исполнилось бы также 90 лет великому русскому лингвисту и криптологу Юрию Валентиновичу Кнорозову. Этот выходец из безупречной интеллигентной семьи с детства увлекался историей, изучал историю и стал историком. Он увлекался Древним Востоком и

лингвистикой. В войну он стал фронтовым телефонистом и, по слухам, шифровальщиком, что, конечно же, помогло ему в дальнейшей работе. В разгромленном Берлине он подобрал редкую книгу с репродукциями кодексов народа майя и увез ее с собой, чтобы спасти. Через десять лет он вернул ее в Берлинскую Национальную библиотеку. Но семья уже обрело свою почву – он занялся расшифровкой таинственного языка этого народа. Впервые в истории лингвистики он подобрал ключ к загадочным письмам майя. В конце 59-х годов Кнорозов попытался защитить диссертацию по этой теме. В 1975 году ему была присуждена Государственная премия СССР, а еще через двадцать лет за исключительные заслуги перед Мексикой его наградили Орденом Ацтекского Орла.

А что касается кандидатской диссертации, то она так и не была защищена. Кнорозову сразу присвоили докторскую степень.

ПОСИДЕЛИ, ПОКУРИЛИ...

6 ноября 1492 года во время своего первого трансатлантического путешествия Христофор Колумб в ком-

пании своих офицеров и нескольких матросов отправился с официальным дружественным визитом в гости к индейскому вождю. И там, сразу после торжественного обеда, состоящего из сладкого картофеля, зерен кукурузы, красного диковинного овоща томата и других деликатесов, белолицым гостям было предложено разделить с вождями и старейшинами племени некое странное лакомство, которое не ели, а вдыхали. Отказаться было ни-ни, потому что это было еще и ритуальное действие, олицетворявшее мирные намерения договаривающихся сторон. И никакая это была не трубка мира, а самая настоящая сигара. Гостям вдыхать дым понравилось. А дальше вы все знаете сами. Как поется в песенке из мультфильма «Остров сокровищ» – «И с первой трубки у костра, раскуренной с вождем, привычка вредная пошла в масштабе мировом». Хотя справедливости ради нужно отметить, что табак в Европу завез не Колумб.

ОТЕЦ НАЦИИ

Он был князем старинного рода. Он был патриотом своей родины. И он был великим грузинским поэтом. Грузинская Православная Церковь канонизировала его как святого Илью Праведного. А в народе его называли «наш Илья» и считали отцом нации. Его стихи ушли в народ, а преданность родине и политическая деятельность привели его к гибели от пули в спину. Его хоронил весь Тбилиси. Сегодня мы отмечаем 175 лет со дня рождения славного сына грузинского народа.

ДВАЖДЫ НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ

Она родилась в Варшаве, 7 ноября 1867 года. Ее звали Марыся – Мария Склодовская. Она была старшей сестрой, и когда умерли родители, ей пришлось работать гувернанткой, чтобы дать возможность младшей сестре получить медицинское образование во Франции. А потом и сама она уехала в Париж и сумела получить образование в тамошнем университете. Судьба была к ней благосклонна – эта незаурядная девушка стала первой в истории

Сорбонны женщиной-преподавателем. Там она встретила и своего будущего мужа – Пьера Кюри. Они были прекрасной парой. Вместе занимались наукой. Вместе изучали уран. Открыли новое вещество – радий, а за ним – полоний, названный так в честь Польши. А потом они получили Нобелевскую премию по физике. Но в 1906 году Пьер трагически погиб, и Марыся осталась одна. Она не бросила работу по изучению радия, и в 1911 году получила вторую Нобелевскую премию – по химии. Во время Первой мировой войны она на личные деньги обеспечивала госпитали рентгеновскими аппаратами. Но исследовать радиацию безнаказанно нельзя, и Мария Склодовская-Кюри умерла от лейкемии в 1934 году.

90 ЛЕТ ПРОКЛЯТИЮ ФАРАОНОВ

4 ноября 1922 года с самого раннего утра к Долине Царей в Египте еще затемно начали стекаться люди. С первыми лучами солнца небольшая группа профессиональных копателей во главе с высоким, худощавым европейцем начала расчищать вход в гробницу, слухи о которой уже давно ходили по всем многочисленным археологическим экспедициям. Знаменитому американцу Говарду Картеру повезло – так считали коллеги. Дело в том, что Долина Царей была очень основательно изучена. Почти все могилы древних правителей были найдены и опознаны – естественно, они были пусты. Более, чем за 30 столетий неоднократно находились хитроумные и предприимчивые люди, жадные до царских сокровищ. Все подземные усыпальницы египетских фараонов были одинаково пустыни, и все их убранство составляли искусные росписи на стенах. Но недаром Говард Картер был американцем, предприимчивость которых вошла в поговорку. Из перечня царей

нескольких династий, хоронивших своих мертвецов в этих местах, он выбрал одного, самого незначительного фараона и начал искать именно его могилу. И он не ошибся. Он сумел найти царское захоронение, нетронутое грабителями. Точнее, кто-то все же пытался туда пробраться, но похоже, древних грабителей кто-то спугнул – возможно, дозор стражи. Как шутили журналисты, Картер сорвал яблоко ненадкусанным. Так была открыта знаменитая гробница фараона Тутанхамона. Это был не очень значительный молодой фараон, правивший с 9 до 19 лет и умерший молодым. Конечно же, он был несамостоятельный – за него правили двое царедворцев его отца. Как сейчас доказали ученые, он был сыном знаменитого Эхнатона, фараона-реформатора, от одной из жен и пасынком знаменитой Нефертити.

Но празднество омрачила внезапная смерть спонсора экспедиции – английского аристократа лорда

Карнарвона. А потом зашушукались, что нашедшие золотой саркофаг стали умирать один за другим. И что якобы число умерших от загадочного проклятия гробницы составляло 22 человека. На самом деле, сейчас мы знаем, что это большая натяжка – лорд Карнарвон был серьезным астматиком и то ли мельчайшие споры грибов, то ли другие микроорганизмы из гробницы вызвали у него приступ, от которого он и умер. И абсолютное большинство участников экспедиции дожили до преклонного возраста – в среднем до 74 лет.

БЕЗУТЕШНАЯ НИНА

В самый разгар холодной осени 1812 года, когда на радость утомленным русским войскам поля России покрыл снег, а наполеоновские захватчики были вынуждены бежать в теплую Европу, среди молодых адъютантов кутузовского штаба случилось оживление – у молодого и красивого грузинского князя Александра Чавчавадзе родилась дочь, об этом пришло письмо. Ее назвали в честь равноапостольной Нино – крестительницы Грузии. Это была удивительно милая, красивая девочка с изысканными манерами и доброй душой. Ее любили в семье, ее любили крестьяне из окрестных сел, а отец постарался дать ей евро-

пейское образование. А другом отца, известного грузинского поэта Александра Чавчавадзе, был известный русский поэт, также Александр - Гри-

боедов, автор знаменитого «Горя от ума». Нину он знал с десяти лет. Будучи прекрасным пианистом, он частенько занимался с ней музыкой. Но все изменилось, когда Александр Сергеевич приехал в Тифлис в 1828 году. Он вновь остановился в доме у друга и поразился тому, какой красавицей выросла маленькая Нина. Вскоре родители их благословили, и пара обвенчалась в знаменитом храме Сиони. Они были счастливы ровно одну неделю. А потом произошло то, что знают все – посол России Александр Грибоедов отправился в Персию, где вместе со всем русским посольством был убит толпой религиозных фанатиков. Нина пережила его на 30 лет. Она не приняла ни одного предложения и ни на день не сняла траура. Грузия на нее буквально молилась, как на идеальный образец грузинских жен, и без того отличавшихся верностью. Умерла Нина во время эпидемии холеры, ухаживая за больными. Это был очень светлый человек.

АВТОР «СОБАКИ НА СЕНЕ»

Его звали Феликс – счастливый. Он родился в дворянской семье и был литературно одарен с самого раннего детства. В юности, будучи студентом-школяром из университета в Алкале, он за ехидные памфлеты на десять лет был лишен возможности появляться в Мадриде. Однако, будучи человеком отчаянным, он этим запретом пренебрег, заявился в столицу и тайно похитил себе невесту, с которой жить ему пришлось уже в Валенсии. Он работал секретарем у знаменитого герцога Альбы и много писал для театра. Настолько много, что ни один специалист по его творчеству не назовет всех пьес, написанных Феликсом Лопе де Вега. Сам он утверждал, что этих пьес было 1250. Но жизнь он закончил священником. Вот и гадай теперь, что это все означало.

А «Собаку на сене» и «Учителя танцев» каждый год ставят на сцене какой-нибудь очередной страны.

Роб АВАДЯЕВ

▲ Дом-музей Ильи Чавчавадзе в Кварели

ПАСТЫРЬ НАРОДА

К 175-ЛЕТИЮ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

В критическую для Грузии пору судьба явила Илью Чавчавадзе – истинного пастыря народа, который разбудил грузин от летаргического сна, вывел на путь, ведущий к земле обетованной и возбудил в них жажду борьбы за восстановление нашей униженной идентичности. Он приобщил национальные и социальные идеалы грузинского народа прогрессивным устремлениям человечества, поднял на новую высоту национальную культуру, художественное и научное мышление.

Илья Чавчавадзе был тот, кто пробудил грузинский дух, национальное самосознание народа. Именно благодаря его неустанной и многогранной деятельности, непреклонной борьбе в Грузии во второй половине XIX века родилось стремление к национальной свободе, утвердились новые идейно-политические, социальные и художественно-эстетические принципы. Это был новый восходящий этап в развитии грузинского общественного мышления. Потому-то имя Ильи Чавчавадзе неразрывно связано с идеей национальной и социальной свободы, идеей обновления и возрождения нации и с самоотверженным служением этой идее. Потому, как говорил Акакий Церетели, если Грузии не суждено погибнуть, вместе с Грузией бессмертен будет и Илья.

И.Чавчавадзе привлек внимание грузинской общественности с момента своего появления на литературном поприще. Он сразу же завоевал всеобщий авторитет и уважение как достойный представитель передового поколения «тергдалеулеби». «...Все признали то знамя, которое поднял Илья Чавчавадзе» (Нико

Николадзе).

Современники Ильи хорошо понимали, что он был идеалом не только какого-то одного класса или социального слоя, – он был, по определению Важа Пшавела, идеологом нации.

«В Грузии XIX столетия не было личности более величественной чем Илья, – это был образец силы грузинского духа, драгоценное украшение и венец гениальности грузинской нации», – писал о нем Кита Абашидзе. «Илья Чавчавадзе представляет собой такого писателя и общественного деятеля, который является центральной фигурой грузинского общества XIX века», ... «изучение его произведений это изучение великой эпохи, ... потому что XIX век был той порой, когда произошло второе рождение грузин, Грузия познала и обрела свое утраченное лицо». «Илья Чавчавадзе был искателем и восстановителем этого лица, и потому понимание устремлений Ильи – это понимание устремлений вновь родившейся и вновь возродившейся грузинской нации» (Арчил Джорджадзе).

За всю свою полувековую деятельность Илья не создал ни одного произведения, которое прошло бы незамеченным для читателя и критики, и не одно из них становилось предметом живейшего обмена мнений и горячих споров.

Так было при его жизни, так было и после его трагической гибели. Острая полемика вокруг творчества и всей деятельности Ильи не стихала долгие годы. И в этой полемике, и в этом порой жестком столкновении

▲ И.Чавчавадзе среди студентов-грузин Петербургского университета. 1861

мнений все отчетливей высвечивалась истинная оценка высоких достоинств наследия великого национального деятеля, мыслителя и художника, оценка той исторической миссии, которую он выполнил в духовном возрождении Грузии.

«Быть может ни один гений не имел столь огромного значения для своей нации, как Илья Чавчавадзе – для Грузии», - писал выдающийся педагог и общественный деятель, современник Ильи Якоб Гогешвили. Вероятно так оно и есть.

Илья Чавчавадзе – не только великий писатель, мастер художественного слова, - поэт, беллетрист, драматург, переводчик, чье творчество заняло одно из первых мест в многовековой грузинской литературе, не только реформатор и законодатель грузинского литературного языка, не только основоположник и блестящий представитель грузинского критического реализма, реалистической критики и публицистики, но также истинный исследователь большого масштаба и диапазона, чьи интересы охватывали многие сферы науки – философию, эстетику, этику, социологию, историю, литературоведение, искусствоведение, фольклористику, языкознание, педагогику, экономику, юриспруденцию, сельское хозяйство. Его неустанная, необычайно широкая практическая деятельность распространялась на все важные участки общественно-политической и культурной жизни Грузии и выполняла значительную роль в ее развитии.

В новой истории Грузии, - и не только в новой, - не найти личности, чей ареал духовной и практической деятельности был бы столь же обширен, а результаты этой деятельности столь же значительны для развития общественной, духовной и интеллектуальной жизни страны и народа.

Однако историческая заслуга Ильи Чавчавадзе не исчерпывается этим неоценимым вкладом в развитие грузинской художественной и научной мысли или различных сфер общественно-политической жизни Грузии.

Единственной целью своей жизни Илья Чавчавадзе, великий гуманист и истинный интернационалист, видел в служении родине и народу, улучшении его настоящего и борьбе за его счастливое будущее. «Наше дело – жизнь народа грузинского, улучшение ее – наше первое и последнее желание», - говорил Илья, и всей своей деятельностью, всем своим богатым и много-

красочным творчеством, всей силой своего духа служил осуществлению великой задачи – объединению разъяединенной подобно «звеньям разорванной цепи» грузинской нации в единый монолитный организм, возжиганию и утверждению в нем национального самосознания, приближению его национальной и социальной свободы. Но наипервейшей задачей в борьбе «за благополучие всей Грузии» для Ильи было возрождение грузинской государственности и государственного самосознания, национального духа, национального «я» грузин – «восстановление нашего униженного достоинства, сознания кто мы и откуда идем и защита от всех возможных опасностей».

Илья Чавчавадзе совершенно четко знал, что «пока наша сущность, вопрос кто есть мы и откуда идем не займет подобающего ему места, нет предмета более тяжелого, более наимеобходимейшего для сегодняшнего сына Грузии». Потому столь настойчиво призвал он грузин: «каждый кто может что-то делать, собирайтесь воедино и вместе, как братья, действуйте в этом направлении. Всякое дело, всякий предмет, все должно служить делу восстановления осознания нашей сущности. Школа, банк или театр, - все должно к тому обратить голову... Вот для чего должна готовиться наша молодежь, вооруженная наукой и опытом всей Европы. Вот какую арену должна она очертить и какой путь избрать!»

Возвращающаяся в 60-х годах XIX века из России и Европы грузинская молодежь, обогащенная знаниями, получившая прозвище «тергдалеулеби», по-грузински «испившие воды Терека» (груз. «Терги»), по словам Ильи «все свои силы устремила на этот предмет, новое

▲ Ольга и Илья Чавчавадзе в Сагурамо

направление заняло всю нашу бедную литературу». И заслуга именно «тергдалеулеби» и Ильи Чавчавадзе в том, что наш взор убегавший в сторону, устремился на этот предмет.

(«Славяне, - писал Илья, - посвятили этому делу все свое время и усилия... И нынче они борются за это, и, разумеется, не отступят пока своего не добьются... Таким путем они возродили к жизни почти обреченную нацию...»)

▲ Бидзина Иванишвили в церкви св. Ильи Праведного. 2012

Велика заслуга Ильи Чавчавадзе и его соратников, среди которых особо выделялся Акакий Церетели, в том что в Грузии 60-х годов XIX века, по словам Ильи, «вновь засверкало забытое слово «отчизна», засверкало со всей своей притягательной силой и величественным содержанием». И это святое слово, «которое с течением времени было превращено в некую недвижимость и подвергалось унижению... вновь обрело в нашем сознании полагающееся ему место, и, подобно солнцу, своим лучезарным светом осияло все пространство нашей жизни».

Именно благодаря усилиям Ильи понятие «отчизны», «родины» вновь поселилось в сердцах грузин. И вместе с ним пришла любовь к отчизне. И неудивительно, что ее прошлое, ее настоящее и будущее сделались предметом изучения и исследования. «Кто мы есть и что мы есть» - этот широкий как море вопрос сплотил наших писателей.

Благодаря Илье и его соратникам новая грузинская

▲ Церковь св. Ильи Праведного в Сагурамо

литература обратила свой взор на «потаянные донныне язвы общества – безутешную жизнь простого народа, низов» и «острыми картинами» заставила «содрогнуться сердца грузин, сделала очевидным, что «и в жизни низов есть человеческие чувства, что сердца простых людей – то же море, где если не больше, то никак не меньше есть жемчужин страдания и радости, скорби и веселья, ненависти и любви. Что и у низов есть свои идеалы, свои желания и стремления».

Разумеется, «сыновья и гражданская боль», острое чувство национальной и социальной ущемленности, протест против национального и социального гнета – все это было присуще и предчавчавадзевской грузинской литературе. Но именно в творчестве Ильи передовые новые идеалы, искания путей освобождения и спасения народа обрели стройный концептуальный облик, который превратился затем в программу построения свободного общества, где обитает труд, общества, основанного на «братстве, единстве и свободе».

Илья Чавчавадзе был идейный лидер грузинских деятелей той плеяды, которая вселила в сердца соотечественников веру в возможность построения нового общества и в счастливое будущее народа.

В Грузии XIX века Илья Чавчавадзе был выдающимся деятелем огромного масштаба и величайшего значения, вдохновителем и предводителем национально-освободительного движения, зачинателем прогресса грузинского общества во всех областях культурной, политической, научной и социальной жизни. Именно это определяет его место в новой истории Грузии.

Георгий АБАШИДЗЕ

Перевод Камиллы-Мариам Коринтэли

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Подражание Гейне

Да, родина была и у меня!..
Любовь царила там, мечту даря,
И благостна ко всем была судьба...
Теперь же это все – далекий сон!

Сверкая счастьем, дни текли,
Рождались рыцари-богатыри,
И небеса сияли, так чисты...
Теперь же это все – далекий сон!

19.01.1859
Петербург

НОЧЬ

Когда стихает гул дневной
И голос злобы умолкает,
И спят селенья под луной, -
Ночь южная, ты взор мой услаждаешь!

1857-1861

Слышу, слышу звук отрадней
Разбиваемых оков!
Громче, громче голос правды,
Пробуждающий рабов!

Голос правды – светоч жизни,
Он и мне надежду шлет...
О, когда ж в моей отчизне,
Боже, этот час пробьет!

29.08.1860
Павловск

Переводы Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ

▲ Кабинет И.Чавчавадзе в доме-музее на ул.Чубинашвили (Тбилиси)

В ДОМЕ ЖДАЛИ ГОСТЕЙ

На тихой тбилисской улице Чубинашвили № 22 есть дом с оригинальным фасадом и маленьким двориком за старинной оградой. Некогда здесь жил великий грузинский писатель, мыслитель и общественный деятель Илья Чавчавадзе. При жизни классика двор был гораздо просторнее – сюда въезжала карета, запряженная двумя лошадьми. И сад выглядел иначе – большую часть составляли гранатовые, айвовые деревья. В нынешнем фитодизайне – розы, пальма.... Посреди мощенного булыжником двора – маленький круглый фонтан. В Тбилиси все меньше таких укромных уголков, сохранивших дыхание XIX века.

В тбилисский период Илья Чавчавадзе неоднократно менял местожительство. С 1889 по 1901 годы он жил в доме своей сестры Елизаветы Сагинашвили (там функционировала типография газеты «Иверия»). В 1900 году, уже в пожилом возрасте И.Чавчавадзе решил приобрести особняк на Андреевской улице, принадлежавший Варваре Гвинашвили. Благоустроив дом по проекту архитектора Симона Квдиашвили, он в 1902 году поселился в нем вместе с супругой Ольгой Гурамишвили.

Благодаря новой планировке в доме появились рабочий кабинет и гостиная. Веранда в начале прошлого века была открытой, ныне – застеклена. Рядом с чулом мед-

ведя в полный рост (экспонат сохранился) по обыкновению складывали свежую прессу.

Обстановку рабочего кабинета восстанавливали по фотографиям Дмитрия Ермакова. На письменном столе И.Чавчавадзе – старый глобус, керосиновая лампа, чернильница, пепельница с надписью «Иверия», бюст Рафиэля Эристави и издание «Витязя в тигровой шкуре» с иллюстрациями Михая Зичи. На стене портреты Шота Руставели и любимых героев Чавчавадзе – царя Ираклия II и Джузеппе Гарибальди. Портреты этих людей всегда украшали стены кабинетов писателя – и в семье, и в редакции.

Когда писатель уставал, он подходил к конторке.

Из мебели обращают на себя внимание письменный стол Ольги, стол для игры в шахматы. Камин Илья Чавчавадзе выписал из Италии (при реставрации ему вернули исконный зеленый цвет). Если комната оказывалась жарко натопленной, перед камином ставили ширму. Ее подарили Ольге Гурамишвили представительницы Общества женщин (организация, созданная супругой писателя). Дамы любили собираться и играть в лотерею «аллегро». Вырученные от лотереи средства передавали материально нуждавшимся студентам.

Из германской поездки И.Чавчавадзе привез двухтомный фотоальбом с туристическими снимками Азии и Африки. При создании экспозиции альбом разобрали на отдельные снимки и развесили их в рабочем кабинете.

Научный сотрудник музея Нино Ахалкацишвили, любезно выполняющая по моей просьбе роль гида, ступает по полу крайне осторожно – в рабочем кабинете пол мемориальный. Историческое здание давно уже нуждается в реабилитации.

Гостиная и столовая комнаты восстановлены по воспоминаниям Ольги Агладзе. В гостиной часто собирались писатели, общественные деятели, проводились «лите-

▲ Музей ждет гостей

ратурные четверги». Она расположена выше столовой, и ее использовали в качестве сценической площадки и поэтической трибуны. Илья Чавчавадзе был талантливым чтецом. Первое «озвучение» новые произведения разных авторов получали именно в его исполнении. Свою повесть «Человек ли он?!» Чавчавадзе впервые прочел здесь. Обмен мнениями нередко продолжался и во время трапезы, писатель принимал поправки к своим произведениям, с интересом выслушивал советы... На столе четыре прибора – в этом доме всегда ждали гостей.

Снимки отображают разные периоды жизни Чавчавадзе – студенчество, время издания «Вестника Грузии», членство в Государственном Совете Российской империи (партия сторонников писателя выступала за отмену смертной казни)... Есть семейные фотографии: портреты сестер писателя – старшей Нино Чавчавадзе-Абхази и младшей Елизаветы Сагинашвили, племянника Котэ Абхази, сестры Ольги Гурамишвили – Екатерины Гурамишвили и ее супруга Дмитрия Старосельского.

Многие личные вещи писателя дошли до нас благодаря Елизавете Сагинашвили. В советское время она, по рассказу Нино Ахалкацишвили, весьма нуждалась, но и мысли не допускала о том, чтобы распродать вещи своего брата. Кое-что дарила его друзьям. Так, старинный дорожный сундук, приобретенный Ильей в Берлине (1900-е годы) долгое время хранился у Акакия Белиашвили, потом перешел во владение музея. Также из мемориальных вещей выставлены три картины – «Жак де Моле вступает в орден тамплиеров» Грана, «Страх» неизвестного автора, «Мазепа среди волков» Верне; настольная лупа для рассматривания фотографий; посуда.

Спальная комната, по воспоминаниям, была убрана просто. Здесь экспонируется кровать О.Гурамишвили. Посетителю лишь одним взглядом разрешают взглянуть на комнату. Из-за дождей потолок в плачевном состоянии.

12 сентября 1907 года Илья Чавчавадзе в последний раз закрыл за собой двери своего дома и отправился в Сагурамо по печально известной Цицамурской дороге....

Ольга, потрясенная злодейским убийством мужа, морально и физически опустошенная, не хотела больше оставаться в этом доме, где многое напоминало о трагедии. По завещанию Ильи, все имущество, а также дома в Тбилиси и Сагурамо она передала «Обществу по распространению грамотности среди грузин». (За время своего существования организация воплотила множество прогрессивных идей – открыла сеть начальных школ на родном языке по всей Грузии, гимназии в Тбилиси и Кутаиси, собирала рукописные памятники древней грузинской литературы и фольклора, содействовала развитию драматического театра и др.) Сама Ольга поселилась в районе Мтацминды, недалеко от пантеона.

В 1927 году «Общество по распространению грамотности среди грузин» ликвидировали, наследие Чавчавадзе перешло к Союзу писателей. В апреле того же года умерла Ольга Гурамишвили. Важные материалы и документы, предметы семейного обихода принял в свой фонд исторический музей, помещавшийся тогда в здании государственного университета им. И.Джавахишвили.

В доме Ильи Чавчавадзе на Андреевской улице (позднее Орджоникидзе, ныне – Чубинашвили) в советский период жили разные люди. В 1957 году, к 120-летию юбилею писателя здесь открыли дом-музей. Через тридцать лет был основан музей и на улице Калинина, 7 (в начале прошлого века – Николаевской, 21, а ныне – Джавахишвили, 7).

Калитка дома на Чубинашвили всегда открыта – здесь ждут гостей.

Медая АМИРХАНОВА

Памятник И.Чавчавадзе и А.Церетели на пр.Руставели в Тбилиси
(скульптор В.Топуридзе. 1958)
Фото Александра Сватикова

Исполнил долг великий свой

«Знать русский язык мы стремимся сами и очень хотим этого... Русская литература настолько сильна, что в состоянии утолить духовную жажду просвещения человека. Каждый из нас воспитан на русской литературе, которая явилась фундаментом нашего мировоззрения, наших убеждений и общественной деятельности». Эти слова великого грузинского писателя и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе, приведены на открытке с его фотографией. Они стали лейтмотивом изданий, выпущенных Международным культурно-просветительским Союзом (МКПС) «Русский клуб» к 175-летию со дня рождения человека, которого грузинский народ назвал отцом нации. К юбилейной дате изданы набор открыток «Исполнил долг великий свой» и книга-билдинг «Рождественский подарок».

В наборе из 24-х открыток – рассказ о жизни и деятельности Ильи, цитаты из его работ, высказывания о нем деятелей грузинской и русской культур. Все это богато иллюстрировано фотографиями, среди которых – немало уникальных. Так «Русский клуб» продолжил традицию подобного рода изданий – им уже выпущены посвященные российско-грузинским литературным взаимоотношениям наборы открыток «Сны о Грузии» и «На берегу Куры Россию вспоминаю». Изданы открытки при поддержке Фонда «Русский мир».

В книге «Рождественский подарок» на грузинском и русском языках представлены стихотворения и рождественский рассказ, принадлежащие перу Чавчавадзе. «Каждый, кто знает о том, как жил Илья, поймет, за какие заслуги его еще и назвали Святым Ильей Праведным. Ведь праведники живут, не совершая грехов, поступают только по справедливости, а Илья следовал всем божественным заповедям, он, как поэт и гражданин, верой и правдой служил Родине. Его слова никогда не расходились с тем, что он делал. А это очень ценилось не только в XIX веке, но и во все времена», - пишет в предисловии, обращаясь к юным читателям, заведующий отделом Института грузинской литературы имени Шота Руставели, доктор филологических наук

Теймураз Доиашвили.

Этот сборник – уже четвертое издание в серии «Детская книга», выпускаемой «Русским клубом». В дни рождественских и новогодних каникул книга по традиции войдет в набор праздничных подарков для юных зрителей новогодних спектаклей Тбилисского русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Иллюстрировала книгу молодая художница, магистрантка 2-го курса магистратуры Тбилисской Академии художеств Софо Киртадзе. Сборник издан при поддержке Банка ВТБ.

Руководитель обоих проектов – президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий.

Соб. инф.

САМ ПРИШЕЛ

Пройдет много лет и художник-самоучка Нико Пиросманавили или просто Пиросмани, которого назовут одним из лучших мастеров мирового «наивного искусства» и который станет самым известным из грузинских художников двадцатого века, умирая на холодном булыжном полу своей крохотной сырой каморки, в полуподвале под лестничной клеткой, в стареньком доме на Молоканской улице, вспомнит тот далекий день, когда он впервые приехал в Тифлис из родного кахетинского села Мирзаани, чтобы породниться с этим удивительно-сказочным многоликим городом и остаться в его памяти навсегда.

Необычайная картина открылась тогда деревенскому пареньку Нико. Он стоял и смотрел, как ревела своенравная Кура между двух скальных крепостей Нарикала и Метехи, как теснились вдоль кривых узких улочек по склонам гор гуттаперчевые дома, как боролись за пространство многочисленные торговые лавки, полные раз-

шел к друзьям, таким же простым и бесхитростным, каким был сам, заказывал к ним в харчевне простой и бесхитростный обед и, с наслаждением потягивая хванч-кару, слушал простые и бесхитростные слова.

О, это удивительное грузинское застолье! Когда нет за столом ни бедных, ни богатых, когда все равны, преломившие хлеб и отпившие глоток вина. Когда радуется душа и отчаянная любовь вокруг, куда ни глянь, - в глазах, жестах и словах сотрапезников, доброй улыбке духанщика, в плавных танцах озорных кинто, гордых осанках и открытых лицах карачохели и задумчивом взгляде старого шарманщика. И когда тамада, царски восседающий во главе стола, время от времени сотрясает пространство тостами, улаживающими сердце.

Около ста пятидесяти трактиров, более четырехсот духанов и винных погребков было открыто в Тифлисе. И не было среди них похожих – «Загляни, дорогой», «Сам пришел», «Сухой не уезжай», «Войди и посмотри»... В

НАИВНОЕ ОДИНОЧЕСТВО ГЕНИЯ

▲ Ладо Гудиашвили.
П-т Нико Пиросмани

нообразных товаров, как суетились клиенты возле кузнечных, ювелирных, гончарных, оружейных, сапожных мастерских, как расторопно двигали своими умелыми пальцами цирюльники, как кричали на всех языках мира извозчики, разносчики мацони и зазывалы возле харчевен и духанов, источающих волнующие ароматы шашлыков, пряностей, фруктов и терпкого вина, как весело играли шарманки и как печально пели дудуки и зурны. И некуда было деться от смеха, болтовни, ругани, восклицаний, скрипа колес, лязга весов и стука молотков, мычания буйволов и ржания лошадей, мелодий бродячих музыкантов и пения муэдзина. Это был незнакомый мир, полный удивительных красок, звуков и запахов. Но именно этот мир станет для него смыслом всей его жизни.

Был тогда и другой Тифлис. С дворцом наместника и Военным собором, с банками и деловыми конторами, театрами и оперой, зеркальными витринами магазинов и чопорной публикой в многочисленных салонах, экипажах и на убранных до блеска мостовых. Но он так и остался чужд Пиросмани. Попадая сюда по стечению обстоятельств, он старался здесь не задерживаться и спешил назад, потому что терялся в роскоши и презирал лицемерие. Он возвращался к себе, на другую сторону Куры,

них текла своя, ни на что не похожая жизнь, обессмертить которую и суждено было Нико Пиросмани – для одного «малюру», для других «рисовальщику вывесок», а для третьих «гению-самоучке».

ЦВЕТЫ ДЛЯ МАРГАРИТЫ

И подумает Пиросмани: странно не помнить, когда ты родился и сколько тебе лет. Может пятьдесят пять, может больше. Но только какое это имеет значение теперь, когда жизнь прожита. Хороша она была или плоха, тоже не важно. Важно, что в жизни он никогда не терял своего достоинства и не был ни для кого обузой. Правда, он так и не смог вырваться из бедности и нищеты, но зато всегда оставался свободным и независимым человеком, свободным в своем искусстве. А если так, то такой жизнью можно гордиться.

И увидит Нико картины прошлого.

Вот его деревня Мирзаани. Отец Аслан возится в винограднике, мама Текле собирает ягоды с тутового дерева, а сестры Мариам и Пепуца, брат Георгий играют вместе с ним в свои детские игры. А вот он уже постарше и живет в имении Калантаровых в селе Шулавери, куда его семья по нужде перебралась, продав за бесце-

нок все свое хозяйство. И уже нет в живых его отца и матери, нет в живых его брата Георгия и сестры Мариам, а сестра Пепуца вернулась в родное село и прижилась у родственников. Не так ли постепенно к человеку подкрадывается одиночество? И хотя Калантаровы, типичные тифлисские армяне, никогда не обделяли Нико ни лаской, ни любовью, все же они не могли заменить ему родных.

Вот Нико уже молодой человек, пишущий любовное письмо к Элисабед Ханкаламовой, младшей сестре Калантаровых, предлагая ей руку и сердце, - к женщине с ребенком, на десять лет старше него, к женщине, привязанной к нему, как к сыну. Никто не принял всерьез тогда это нелепое письмо, кроме самого автора, которого справедливо посчитали человеком не от мира сего. И сейчас, оглядываясь назад, Нико с грустью поймет, как мало было в его жизни женщин, которых он по-настоящему любил. Элисабед да французенка Маргарита, певица и танцовщица из кафешантана. Все, пожалуй. В день рождения Маргариты он отправил ей в подарок несколько повозок с цветами, завалив ими улицу перед ее домом и всполошив весь город. А потом написал одну из своих лучших картин «Актриса Маргарита».

Вот Нико тормозной кондуктор на железной дороге, куда он устроился после того, как лопнула его затея с организацией на Вельяминовской улице мастерской по

ны, эпизоды из легенд и сказок. К картинам прилагались незатейливые надписи – «Деревенский двор, где бродят козел, петух и курица», «Сестра доит корову», «На лугу пасется стадо, охраняемое пастухом», «Гости слушают тамаду». Он рисовал на бумаге, на стенах, на окнах, на земле, на жесте, на картоне, на дереве. Он забирался на крышу дома и на кровле рисовал все, что видел вокруг себя – реку Куру, святую гору Мтацминду, крепость Нарикала, церкви, синагоги и мечети. Он был одержим рисованием, как будто сам господь бог водил его рукой. С возрастом его страсть к рисованию еще более усилилась. Он почти силой затаскивал соседей в дом и принимался их рисовать. Свои рисунки он великодушно раздаривал всем, кому они нравились, и садился рисовать снова. Его никто не учил рисовать. Однако он часто наблюдал за работой странствующих художников, которые расписывали вывески лавок и кабачков-«духанов». Как проста, как чиста и наивна была их живопись, какую добрую улыбку вызывала она в сердце. Именно эти вывески (а позже вывески, которыми он любовался в Тифлисе) и сформировали его живописный язык. Они приучили его работать точно и лаконично, обходится для выражения мысли минимальными изобразительными средствами. Рисовал он, в основном, по воображению, представлению или по памяти. Он не делал эскизов, и ему была не знакома расхожая болезнь многих художников – боязнь чистого холста.

▲ «Кახетинский эпос»

оформлению недорогих вывесок. Он стоит на площадке товарного вагона, страдая от холода и изнемогая от усталости, с мечтой о чашке горячего молока и лепешке хлеба.

Вот он торгует сыром и мацони на окраине города, преодолевая ломоту в спине и ногах от многочасового стояния за импровизированным прилавком прямо под открытым небом. Но приходят к нему за покупками все больше бедные люди, прослышав о его щедрости, доброте и чистосердечии, которым он не отказывает давать товар в долг. И предприятие его разоряется.

Нет, не сразу Нико увидит себя прирожденным художником, не сразу поймет, что натянутый на подрамник холст есть начало и конец его судьбы. А поймет, а увидит, - так руки сами потянутся к кистям и краскам. И тогда на вывесках и стенах питейных заведений, на картоне, железе и черных клеенках будут рождаться настоящие шедевры живописи.

ЧЕРНАЯ КЛЕЕНКА

Именно в доме Калантаровых Нико пристрастился к рисованию. Он с увлечением рисовал часами, изображая все то, что видел вокруг себя – людей, животных, птиц, горы, деревья. Он рисовал целые исторические сце-

Получая очередной заказ, он садился и, не раздумывая, одним движением кисти выводил законченную деталь будущего рисунка. Поражала быстрота, с которой он писал свои картины. Не успевал духанщик разлить вино, а у Нико вывеска была уже готова. Однажды за день он написал сразу две картины – «Кутеж с шарманщиком Датико Земель» и «Портрет Александра Гаранова». Замечательную работу «Мальчик-кинто» он исполнил за полчаса. Всего около двух тысяч полотен оставил после себя Пиросмани, но сохранилось, к сожалению, лишь около двухсот из них.

Использовать в качестве холста черную клеенку подумал сам Нико. Это была не та клеенка, которой в трактирах накрывали столы. Это была клеенка на парусиновой основе, изготовленная для технических нужд фабричным способом, – черная, матовая, с пупырчатой или испещренной бороздками поверхностью. Она была близка по химическому составу к масляным краскам и потому отлично сохраняла живопись. Черная клеенка подсказала Нико и своеобразную манеру письма «навыорот», то есть не темным по светлому, как было принято, а наоборот.

Так Пиросмани, сам того не желая, пошатнул традиционную технологию живописи.

▲ «Косуля у ручья»

▲ «Натюрморт»

Близкие поражались его магической властью над этими кусками черной клеенки, когда из небытия, нигде вдруг возникали портреты и фигуры людей, животные и звери, предметы и целые панорамы праздничных и героических сражений. К тому же в работах Пиросмани нечто такое, что сразу брало за душу и не отпускало уже никогда. «Странная атмосфера наполняла его картины, - напишет исследователь творчества художника Эраст Кузнецов, - тревожная, томительная атмосфера ожидания, напряженности и сумеречной недосказанности. И пиршества его не только торжественны, но и печальны. Каждый стол с пирующими – как лодка среди бушующих волн моря житейского, как маленький ковчег, соединивший недолговечное братство людей. Люди застыли и смотрят на нас: в их иконописных – серьезных и грустных – глазах удивление и вопрос. Они подняли руки со стаканами и замерли, и замолчали, и бесконечно долго тянется их ожидание. Будто они к чему-то прислушиваются или чего-то ждут. Грозы? Землетрясения? Потопа? Страшного суда? Так, словно вместе с ними жил в смутном ожидании и сам Пиросманавили, не предвидевший свой горестный конец, но предчувствовавший неотвратимость его приближения».

ЗА ДЕНЬГИ НЕ РИСУЮ

Утром Нико приходил в духан и спрашивал: ну что вам сегодня нарисовать? Потом садился в углу, подальше от посетителей, и принимался за работу. Он рисовал в основном за еду – не за деньги. Иногда за свой труд он просил налить ему немного водки или вина. Бывало, хозяин грубо вмешивался в его творчество советами и подсказками, которые Нико, как правило, учитывал и тут же делал исправления. Но делал он исправления эти так, что они в итоге ни в коей мере не портили работ художника.

Заказчиками Пиросмани были хозяева закусовых,

▲ «Актриса Маргарита»

пивных, булочных, столовых, кофеен, но главных образом – духанов. Его так и называли «духанный живописец». Когда надо было срочно найти Нико – шли по духанам.

Пиросмани много пил, это правда. Но и рисовал много. Рисовал и пил. Пил и рисовал. Его собутыльниками были мелкие торговцы и ремесленники, служащие и рабочие. Часто он пил ночами напролет. Ему некуда было спешить. У него не было своего дома, не было любимой женщины, а ночевал он или на вокзале или прямо в духанах, где хозяева отводили ему закуток. Да Нико и не нужен был свой дом. Пять лет он прожил у своего друга духанщика Бего Яксиева, для которого написал немало картин. Бего не платил ему, а кормил и поил, покупал ему одежду, водил в баню. Время от времени Нико пропадал из Тифлиса, но всегда возвращался и шел в духан. Он не был приспособлен к жизни, он жил одним днем, не задумываясь о будущем, жил больше чувством, чем рассудком, оставаясь внутри себя глубоко несчастным и одиноким человеком. Его вспоминают в рваном пиджаке, без рубашки, в худых башмаках. Но даже свои лохмотья он старался носить с достоинством, ничем не подчеркивая своей бедности. И часто напевал одни и те же строки: этот мир с тобой не дружен, в этом мире ты не нужен...

ГДЕ ТВОЯ МОГИЛА?

Мы можем представить себе жизнь художника, который, пытаясь найти причину разлаженности и неустойчивости человеческого бытия, заставил миллионы почитателей своего таланта смотреть на мир глазами наивного ребенка. (О, этот всепонимающий грустный взгляд людей и животных!) Мы можем представить себе жизнь человека, которому не суждено было обрести тихого человеческого счастья. Но мы не сможем понять, почему так одинок был Нико Пиросмани, почему так и не смог устроить свою жизнь, почему он был так несча-

▲ «Сбор винограда». Фрагмент

▲ «Девочка с шаром»

стен. Гении рождаются, живут и умирают по своим, ведомым только им законам.

Слава придет к Нико Пиросмани на закате жизни, и не будет иметь к нему никакого отношения. Точнее, его слава будет жить сама по себе, как бы параллельно с ним. Потому что она не принесет ему богатства и не изменит ничего в его жизни. Только иногда ему будут бросать вслед горькое: подумаешь знаменитость, пусть благодарит за то, что его кормят!

Художника «откроют» братья Зданевичи. Они приобретут несколько картин Пиросмани и возвестят о нем мир. Меценаты и поклонники кинутся скупать работы Нико. Все чаще и чаще будут устраиваться выставки его картин, о нем заговорят в богатых салонах и мастерских, его имя замелькает на страницах газет. Одни будут возносить Нико Пиросманашвили до небес, другие ругать, не стесняясь в выражениях. Сам же Нико про себя будет говорить так: ну какой я художник, да еще – известный! Работаю по винным погребам, мажу стены разными картинками и за это получаю стакан вина и тарелку харчо. Причем тут высокое искусство!

И будет продолжать пить, продолжать нищенствовать и писать, писать свои необыкновенные картины.

Он умрет 7 апреля 1918 года в городской больнице и рядом с ним не будет ни одного родного, ни одного знакомого человека. Дежурный врач не сможет выяснить ни имени больного, ни его вероисповедания. Нико Пиросманашвили, как «мужчину неизвестного звания, бедняка, на вид лет шестидесяти» похоронят без отпевания в дальнем углу Кукийского кладбища, отведенном для бездомных бродяг и нищих. Пройдет время, и о художнике вспомнят. И захотят найти его останки. Но не найдут. И пройдет еще много лет, и объявится некто, который возьмется показать место захоронения Пиросмани.

Могилу вскроют, но женским окажется скелет.

Ника КВИЖИНАДЗЕ

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ
(1892-1959)

ЭФЕМЕРА

Неземными вихрями – бешеными, ярыми –
 Мои кони синие мчались на ристалище...
 Я запомнюсь в вечности только Ниагарами,
 Что срывались первыми с гулом нарастающим.
 Знаю: я единственный, и судьбой заранее
 Было мне начертано в небе звездным инеем –
 Жизнь без вдохновения – тлен и умирание,
 Для меня вселенная – только кони синие.
 С возгласом «Галактион!» ветер вслед погонится,
 Дрогнет и из хаоса не сумеет выбиться.
 Там, где гроздь поздние, там, где крест и звонница,
 Там бессмертной магии белый мрамор вздыбится.
 Скоро тучи вьючные, что на кручах грезили,
 Караваном выступят, – ждать уже не долго.
 В каждой моей клеточке бьет ключом поэзия,
 Каждой каплей крови я – лишь грузин и только.
 Сколько будет горечи в этих взглядах жалающих:
 Вновь прорвались к вечности сказочным усилием
 Интервалы звонкие на стихов ристалище,
 В конном состязании – снова кони синие...
 Слышен рокот издали, – не спеши, прислушайся:
 Молния о молнию! Небо в муках корчится,
 И горит, бессильная перед этим ужасом,
 Та черта – последняя – между мной и творчеством...
 Снова станет Временем дней чересполосица,
 Ночи одичалые тонут в лунной нежности, –
 Только эфемерные мне начала по сердцу,
 Те, что у бескрайности, те, что у безбрежности...
 Пальмы в нимбе солнечном! Значит снова в детстве я...
 Снова жизнь представится мне в обличье истинном.
 Как и я – огромную – тайну в ней приветствую
 В ком-то мне неведомом, как и я – единственном.
 На напевы праздные я не тратил времени, –
 Мир исчерчен ранами... Запах тьмы и тления.
 Башня с привидением выплыла из темени,
 И душа бездольная ищет в ней забвения.
 Пусть меня отчаянье бросит в даль ледовую,
 Где ни сада с розами, ни равнины с пашнями, –
 Втисну в шапку полюса каблуки пудовые,
 И пусть небо с вьюгами бьется врукопашную.

Кину дланью щедрою миру неимущему
Бойни небывалые и мечты несметные,
Кинусь в бездну прошлого, вознесусь к грядущему,
Чтоб химерам выстроить капища бессмертные.
Хрустнули вдоль полюса льды меридианами,
Вновь ищу я гибели и не жду спасения.
Старый путь мой вехами – охристыми, рдяными
Расчертили заново янтари осенние.
Век бы не насытиться этим чудным бдением,
Этим конским цокотом, лунным чернокнижием,
Век стоять бы в грохоте призраком, видением
С болью непомерною в сердце насквозь выжженном.
Пусть же вечной тайною ты со мной останешься,
Как Грааль невидимый... и долой уныние!
Вихрем на ристалище, вихрем на ристалище,
Вихрем на ристалище

мчатся кони синие!
1916

МЕРИ

Той ночью в соборе венчалась ты, Мери, –
На миг промелькнула очей твоих просинь
Сквозь дымку истомы... и знаком потери
Навек осенили нас небо и осень...

Собор весь светился, как сказочный терем,
Свечей вереница томила от зноя...
Той ночью белело лицо твое, Мери,
Какой-то иной – неземной – белизною...

А свет разгорался все ярче, все резче...
Цветы задышали елеем и миром...
Той ночью я понял: у раненных женщин
Другая молитва... неслышная миру.

Как горько звучало: «И ныне, и присно»...
Был полон отчаянья голос твой, Мери...
И что это было... Венчание? Тризна?
И вправду венчанье?! Не знаю... не верю.

Ведь кто-то, надрывно рыдал на погосте,
Жемчужные перстни бросая на ветер...
И, в гроб забывая точеные гвозди,
Смеялся могильщик... и в сердце мне метил...

Казалось, конца этой муке не будет,
В смятенье я кинулся прочь из собора –
Там ливень пылающий лоб мой остудит!
Там ветер мне будет надежной опорой!

Я шел наугад. Я отдался на волю
Щемящих мне душу, безрадостных мыслей.
Твой дом!.. И, пронзенный неистовой болью,
К прохладной стене я без сил прислонился.

Мне дом не ответил. Казалось, он умер.
Как долго стоял я?.. Не помню, родная.
Платаны ветвями шумели угрюмо,
Паря надо мной, как орлиная стая.

И глухо о чем-то шептали мне ветви,
О чем?.. Разве мог я услышать их, Мери!
Ведь мимо поземкой клубится по ветру,
Тот жребий, в который так слепо я верил.

«Зачем же, – сказал я, – мне счастье пророка,
Луч вспыхнул на миг и во мраке растаял.
И, бросив меня одного среди ночи,
Мечты унесли, как орлиная стая?

Напрасно с улыбкой взирал я на небо.
Я богом был, Мери! А ныне я нищий,
И только лишь праздной толпе на потребу
Достались мои «Я да ночь» и «Могильщик»!

А дождь не кончался... печальный и мутный...
И сердце в ответ так отчаянно сжалось...
И я вдруг заплакал... как Лир бесприютный,
Отдавшийся буре на милость...

на жалость...
1914

Переводы Паолы УРУШАДЗЕ

На открытии выставки Резо Габриадзе

ВЕЛИКОЙ ФАНТАЗИИ ЧЕЛОВЕК

В октябре Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина показал живопись, графику и скульптурные работы всенародно любимого грузинского мастера Резо Габриадзе. В год своего столетнего юбилея музей предложил цикл проектов, в которых заслуженные деятели культуры предстают в своих малоизвестных ипостасях. Так, в роли художников уже выступили драматург и писатель Людмила Петрушевская и балетмейстер Владимир Васильев. На персональной выставке в Музее изобразительных искусств разносторонне талантливый мастер Габриадзе был представлен как художник и скульптор. Но подготовленная к экспозиции специальная сценография невольно отсылала и к его театральной деятельности: каждый экспонат выхватывался из тьмы, словно прожектором, будто он является главным действующим лицом в постановке длиной в жизнь – здесь и запечатленные воспоминания художника о Кутаиси времен его детства, и портреты друзей, написанные в прошлом году. Всего 182 экспоната – живописные и графические работы, куклы из спектаклей Театра марионеток, скульптуры.

На открытии выставки выступили писатели Андрей Битов и Михаил Жванецкий, художник Борис Мессерер, искусствовед Андрей Сарабьянов. Вела торжественную церемонию директор ГМИИ им. Пушкина Ирина Антонова. По многолетней традиции музея каждая выставка обычно открывается музыкальным вступлением. И здесь не обошлось без сюрприза, подготовленного большим выдумщиком Резо. На импровизированный помост был водружен игрушечный рояль, за который села кукла Рихтер и начала играть, а рядом примостилась кукла Ирина Антонова, которая то с наслаждением слушала любимого пианиста, то объявляла очередной номер, заглядывая в листочки программы. Присутствующие в зале Андрей Битов, Михаил Жванецкий, Ирина Антонова с нескрываемым

веселым удовольствием наблюдали за своими кукольными двойниками, общавшимися с публикой, со своими реальными прототипами. Тон выставке был задан.

Все в моем и вашем мире живое, утверждает художник Габриадзе, и люди, и куклы, и картины. Любая фантазия – это реальность. Просто в другой плоскости.

По его словам, он и не предполагал, что однажды в любимом музее, где он часто бывал в детстве, будет проходить выставка его работ. «Я иллюстрировал книги, работал в кино, но живопись всегда была моим домом». Куратор экспозиции искусствовед Анна Чудецкая в одном из интервью выразила уверенность, что эта выставка помогла многим лучше понять незаурядную личность самого Габриадзе.

На открытии выставки Ирина Антонова отметила редкую многогранность дарования Резо Габриадзе: «Существует выражение «скрипка Энгра». Оно означает «второе призвание», поскольку великий художник играл в оркестре. К Резо Габриадзе это выражение неприменимо, потому что он играет не на одной скрипке, он играет на всех возможных инструментах в оркестре. Он и дирижер, и исполнитель всех партий. Он выступает как высокий профессионал, и это делает личность Реваза Левановича совершенно необыкновенной».

Талант Резо Габриадзе, сочетающий в себе изобразительное и литературное начала, позволил ему добиться признания в самых различных областях искусства. Но при этом он всегда сохранял верность своему миру, где органично переплетаются трагическое и смешное, глубоко личное, интимное и понятное каждому. Его называют «человек-оркестр». Писатель, сценарист, драматург, режиссер, создатель Тбилисского театра марионеток, скульптор – его забавный и трогательный «Чижик-Пыжик», которого с набережной Фонтанки с завидным постоянством периодически крадут любители сувениров, и гоголевский «Нос майора Ковалева» давно уже стали достопримечательностями

Санкт-Петербурга, а памятник «Рабинович» полюбился одесситам. Большинству людей Габриадзе знаком как один из создателей культовых фильмов «Мимино», «Кин-дза-дза», «Не горюй!», «Чудаки», «Необыкновенная выставка». Может быть, потому, что кино наиболее массовый вид искусства. Габриадзе-художника знают меньше, несмотря на то, что его живописные, графические и скульптурные работы украшают государственные и частные коллекции во многих странах мира. «И все-таки для меня главное – это живопись, графика и скульптура. Остальное мне было интересно и захватывало, но «портом приписки» я считаю все-таки живопись. По нему я скучаю, когда бываю в других жанрах – театре и кино», – признается Габриадзе. По его глубокому убеждению, изобразительное искусство для него является не «вторым призванием», а первым и самым любимым. Именно живопись – его постоянное занятие с тринадцати лет, его гавань, из которой он иногда уплывал снимать фильмы или ставить спектакли, но всегда возвращался к берегам изобразительного искусства.

Его первая выставка состоялась еще в 1952 году в Кутаиси, когда Резо было всего шестнадцать лет. Художественное студийное образование он получил у трех мастеров – скульптора Валико Мизандари, художника Дмитрия Такашвили, живописца, графика и художника-постановщика Тенгиза Мирзашвили. Не прерывая постоянных занятий живописью и скульптурой, Габриадзе окончил факультет журналистики Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. В эти годы писал статьи в газеты и журналы, рисовал к ним иллюстрации, занимался линогравюрой. Позже поступил на Высшие сценарные курсы (мастерская А.Каплера) в Москве. В 1960-70 годы он работал в кино, в том числе как художник-постановщик, автор декораций и костюмов. На его счету более тридцати пяти фильмов. Все свои сценарии Резо Габриадзе дополнял рисунками и эскизами. Но наиболее ярко и полно он реализовал себя как самообытный и незаурядный художник, пожалуй, начиная с 1981 года, когда основал Театр марионеток в Тбилиси, где все – декорации, куклы и костюмы, создавалось его волшебной фантазией и его руками.

Параллельно с работой в театре Габриадзе в течение многих лет занимался книжной графикой. Он проиллюстрировал более пятидесяти книг, в том числе – книги А.С. Пушкина, Д.Хармса, пять книг Андрея Битова, шесть томов Михаила Жванецкого...

По интересному стечению обстоятельств выставка Габриадзе проходила в Музее имени Пушкина, а одна из основополагающих тем творчества художника – это как раз образ Александра Сергеевича. Он создал целую галерею графики о жизни поэта, выпустил несколько серий: «Пушкин на Кавказе», «Пушкин в Тифлисе» Несколько этих работ можно было увидеть на выставке. Немало работ из пушкинской серии родилось в результате творческого союза и дружбы Резо с писателем Андреем Битовым. Они даже разыграли настоящий спектакль на страницах книги «Пушкин в Испании», где представили удивительные вымышленные путешествия Александра Сергеевича.

«Первый Пушкин, – рассказывает Андрей Битов, – нарисованный Резо, был куклой. А когда мы стали потихоньку выезжать, Резо стал рисовать Пушкина в предполагаемых путешествиях поэта за границей, следуя традициям пушкинской графики. Пушкин не был нигде, кроме Грузии, его никуда не выпускали. Но Резо нарисовал его везде, у него Пушкин был в Испании, Париже и даже на Бродвее. У него есть рисунок, где Эдисон показывает Пушкину электрическую лампочку. Резо – великой фантазии человек. Он может доверять собственному воображению, оно точно. За ним все ангелы стоят. Слова «фантазия» и «воображение»

были как-то унижены, а это очень точные вещи». Убедительность фантазий Габриадзе очаровывает. В цикле рисунков «Пушкин-бабочка» художник рассказывает о том, как классик русской поэзии, превратившись в бабочку, улетает за границу. На портретах Пушкина Габриадзе ставит даты: 1845, 1862. Хотя общеизвестно, что Пушкин погиб на дуэли в 1837 году. Но Габриадзе не желает мириться с этим фактом. В его временном пространстве свои законы и своя история. Там Пушкин не погиб, а дожил до седин счастливой старости, и жизнь ему подарили много приключений, встреч, путешествий и метаморфоз. Одна из таких метаморфоз – представленная на выставке картина «Пушкин. Игра в английскую чугунку». Добрая, нежная улыбка художника. Пушкин играет со своими детьми «в паровозик». А раз паровозик, значит – обязательно должна быть труба. И все понятно – почему из цилиндра поэта так щедро валит дым, и почему так весело повисшим на полах сюртука детям.

Аналогичные истории происходят и с другим любимым поэтом Габриадзе – Галактионом Табидзе. Грузинский поэт-классик делает на картинах Резо то, что хочется художнику: гоняет по городу в кузове грузовика, провозжает корабли, взбивает на балкончике гоголь-моголь, освобождает из клетки собак. А рядом – персонажи Кутаиси, родного города Резо Габриадзе. Их множество: старики и дети, портной и солдат, модники и пионеры... Все это – «Малая энциклопедия Кутаиси», посвященная городу и его жителям. Они объединены добрым, ироничным взглядом художника. Чего стоят одни названия картин: «Дом недружных братьев», «Битва портного с закройщиком», «ЗАГС – могила любви»! Многие из этих картин написаны в сине-зеленых тонах – таким цветовым пятном, говорит художник, он помнит свой родной город. Габриадзе признается: «Мне очень дороги воспоминания о своем городе. Воспоминания с сюжетами и воспоминания о цвете. Такой зеленый или синий, который вы видели в детстве. Такие цвета уже не повторяются. Поиски их в старости очень-очень утомительны. И все же я ищу эти цвета моего города. Вот этим я и занимаюсь в живописи».

Его искусство органично связано с национальными художественными традициями. В своей книге воспоминаний он говорит, что корни его творчества уходят в послевоенное кутаисское детство. Как Одессу не спутаешь ни с одним другим городом в мире, так и Кутаиси отличается неповторимым стилем и несет в себе какую-то особую, присущую только этому городу атмосферу отношения к жизни. Герои творчества Габриадзе по-кутаисски ироничны, трогательны, философичны и парадоксальны. Его картины насыщены и энергетикой, и красками любимого города.

Особое место в экспозиции занимают портреты, объединенные в отдельный цикл. Толстой и Аполлинер, Станиславский и Галактион, Окуджава, Мамардашвили, Жванецкий, Норштейн, Ахмадулина... Ирина Антонова отметила, что в портретах Резо Габриадзе очень своеобразно и глубоко открывает внутренний мир человека. «На выставке есть маленький портрет Рихтера. По-моему, это лучшее, что я видела. Здесь угадана сущность человека. Просто поразительно! Это высокохудожественные работы!»

Трудно подобрать определения к масштабам таланта такого уникального мастера как Резо Габриадзе. Юрий Рост назвал его «человеком Ренессанса», а Андрей Битов в своем выступлении на открытии выставки сказал: «Он лилипут среди великанов и великан среди лилипутов. Это человеческий, европейский размер». Сам Резо Габриадзе о своем творчестве говорит: «Я всегда делал то, что делал, и то, что вы знаете. В основном – про любовь».

Виктория ПОПОВА

ГЛЯДЯ НА ВОСТОК

В Грузии не найдется, пожалуй, ни одного человека, имеющего отношение к грузинской истории и словесности, который не слышал бы о Бернаре Утье. Ориенталист, кавказовед, специалист по восточной христианской литературе, текстолог, он совершил столько открытий в картвелологии, столько сделал для популяризации древнегрузинской литературы, что естественным образом стал одной из самых известных и любимых фигур в кругах научной и творческой интеллигенции страны. Б.Утье – иностранный член Национальной Академии наук Грузии, почетный доктор Тбилисского государственного университета, член научного совета журнала «ბედის ქართლისა» («Судьба Грузии»).

А вот те, кто к науке отношения не имеют, могли обратить внимание на необыкновенную личность французского ученого и следующим неожиданным образом. В одном из недавних интервью замечательный поэт Бесик Харанаули, который приобрел дом в деревне Лишо близ Тианети и переехал туда жить, с небольшой долей безупречно белой зависти назвал образ жизни Утье примером того, как надо устраивать свою жизнь. «Ты, конечно, слышал, - говорил он корреспонденту газеты «24 საათი» («24 часа»), - о Бернаре Утье, французском картвелологе? Так вот, он живет в горах, и два раза в неделю приезжает в Париж читать лекции. Ты бы видел, какие у него условия – полный комфорт. Может быть, когда-нибудь так будет и у нас. Но пока что в Грузии в горах жить непросто».

Конечно, невозможно в одной статье рассказать

обо всей научной деятельности Бернара Утье, перечислить все его открытия и исследования. Они представлены в 200 книгах и статьях, в сотнях докладов, сделанных им на профессиональных конференциях по всему миру. Директор по исследованиям Национального центра научных исследований Франции, полиглот, говорящий почти на 40 языках, он сотрудничает с Институтом языкознания и государственным университетом в Тбилиси, с Институтом древних рукописей Матенадаран в Ереване, с Институтом русского языка в Москве, с университетом Франкфурта-на-Майне. Преподавал армянский язык и литературу в Университете Женевы и древнегрузинский язык – в Католическом институте Парижа, опубликовал и прокомментировал множество древних грузинских и армянских текстов, занимался поисками албанских храмов в Иерусалиме, способствовал изданию во Франции музыкального диска чеченских песен, обнаружил рукопись небольшого русско-абхазского словаря, составленного в первой половине XIX века русским офицером... И так далее, и так далее.

Может быть, в одном удивительном человеке сосуществуют все сорок?

Об этом и многом другом мы говорили с Бернаром Утье в дни его приезда в Грузию осенью этого года.

- *Круг ваших научных изысканий поражает своей широтой.*

- Я по преимуществу текстолог, но занимаюсь и

▲ Бернар Утье

историей искусств, и археологией, и литературой. Основной предмет моего интереса – восточное христианство. Именно это и привело меня на Кавказ. Я очень увлекался творчеством преподобного Ефрема Сирина, великого сирийского богослова и поэта IV века. Не все его сочинения на сирийском языке сохранились, но еще при его жизни многие были переведены на греческий. Я изучил древнеармянский и древнегрузинский и обнаружил, что эти сочинения существуют на этих языках. Я работал над рукописями в Европе, но, конечно, заниматься армянскими и грузинскими рукописями надо в Ереване и Тбилиси. Впервые я посетил Грузию и Армению в 1975 году. И сразу полюбил кавказцев за их приветливость, благородство. Я был восхищен богатством культуры и очарован человеческими качествами ее людей. И очень часто возвращаюсь сюда, приезжая вновь и вновь, продолжая мои исследования. Так, в прошлом году я прочел курс лекций в Духовной академии Эчмиадзина. Приезжал в Ереван на открытие нового здания Матенадарана – Института древних рукописей.

Вообще, меня интересуют явления, которые происходят в современном мире, где каждый человек хочет идентифицировать себя с определенным народом, нацией. Особенно это заметно у армян и азербайджанцев. Меня интересует культурный обмен между армянским, грузинским, азербайджанским мирами. Его можно проследить по литургическим текстам Грузии, Армении, Албании. Кроме того, я обнаружил много текстов VII-IX веков, которые были переведены грузинскими монахами в Палестине с арабского на грузинский и впоследствии христианизированы. С V по VIII век грузинская литература была обогащена переводами религиозной литературы. Очень немногие тексты переводились непосредственно с сирийского на грузинский, как правило, непосредственными моделями были либо греческие тексты, либо армянские переводы греческих текстов. С XI века процесс перевода стал постоянным и очень организованным. И во многих случаях грузины сохранили для нас те тексты, которые на греческом утрачены. То есть наряду с собственными

сокровищами, грузинская литература обогатила себя и теми, которые заимствовала из соседних восточных миров – персидского, армянского, сирийского, арабского... А вот еще один пример обмена, если угодно, трансмиссии, который представляет для меня большой интерес – в Санкт-Петербурге были обнаружены фрагменты арабских текстов, которые являются памятниками еврейской письменности – это сохранившаяся древняя арабская версия, дохристианская.

- Это ваши открытия и находки?

- В этом направлении – пожалуй, да. Я хочу добавить еще одну вещь, наверное, интересную для ваших читателей. Я много работал над текстами литургических гимнов, искал идентичные модели перевода этих гимнов на грузинский. И опять-таки обнаружил целый ряд случаев, когда греческие модели уже утрачены, но те же тексты сохранились в старославянском и грузинском языках. В начале 1980-х годов я попросил моих московских коллег приехать в Тбилиси, и мы вместе работали здесь по этой теме.

- Вы публикуете ваши работы в Европе?

- Да. А также в Грузии и Армении.

- Где они вызывают наибольший интерес – в европейских научных кругах или здесь?

- Везде, но в каждой стране реагируют на свой манер. В Грузии – очень эмоционально. В Армении – более спокойно.

- Армяне более спокойные?

- Конечно. Более сдержанные. В научном мире Европы отношение очень серьезное – и у французов, и у немцев.

- Получается, грузины, даже ученые, – самые эмоциональные?

- Совершенно верно.

- Как начинался ваш путь?

- Во многом – под влиянием отца. Он был профессиональным переводчиком и очень одаренным человеком в изучении языков. Думаю, это во многом благодаря тому, что он вырос на границе Франции и Бельгии с французской стороны, но его родной язык – фламандский. Фламандцы – это как в Грузии мегрелы или сваны. А фламандский язык у нас – как язык басков или эльзасский диалект. Билингвизм очень помогает в изучении языков. Мой отец мне передал любовь к языкам. А еще – любовь к людям. Он занимался исследованиями в Швеции, Англии, других странах, и был убежден, что относиться с уважением к людям иной культуры – это норма. И это очень важно. Сам я учился в лицеях Парижа, Англии, Германии. Окончил Духовную академию, где изучал греческий, иврит и сирийский. Я углубился в труды Ефрема Сирина. И это меня во многом приблизило к Грузии, потому что в своем творчестве он выражает христианскую веру не в рациональной манере, а в поэтической. В широком смысле – это поэзия Библии, интеллектуальный мир еврейской и сирийской культур. И я стал изучать великие поэтические произведения, для чего изучил армянский, грузинский, арабский, чеченский, сванский...

- Так сколько же языков вы знаете?

- Мне трудно сосчитать.

- Наверное, каждый следующий язык учить легче?

- Да, это правда. Хотя, вообще-то, древние языки изучать трудно. В отличие от молодых языков они очень сложные.

- Какой язык вам дался легче всего?

- Иврит.

- У вас много учеников?

- Их не может быть много, учитывая характер моих занятий, их жанр и некоммерческое направление. Подумайте сами, если вы занимаетесь древнегрузинским, то ли это занятие, которое даст вам возможность

▲ Хевсуретия

- В чем спасение, где выход из этой ситуации?

- В конце 1970-х годов я познакомился в Ереване с ученым секретарем Матенадарана, которого звали Левон Тер-Петросян. Он – блестящий филолог, специалист по армяно-ассирийским литературным связям. Мы работали вместе. Потом он стал президентом Армении. Он хотел начать переговоры с Азербайджаном по урегулированию карабахского конфликта и принять только дипломатические решения. Но ему помешали. Я думаю, что делала выбор, принимала решение Россия. И то решение, которое она приняла... Это очень грустно. Я не вижу здесь будущего.

- Работая в Грузии, ощущаете ли вы какую-то зависимость науки от отношений с Россией?

- Уровень научных исследований здесь очень вырос. Необыкновенно. Но вызывает большое сожаление, что ученые не могут получать научных книг из России. Это сложно во всех смыслах, вплоть до того, что перевозить книги в багаже – очень дорого. Я думаю, что подавляющее большинство грузинских интеллектуалов, тех, кого по-русски называют интеллигентами, любят Россию. Потому что они изучали русскую культуру и понимают настоящую Россию. Но есть проблемы культуры и проблемы политики. И они не пересекаются.

- Говорят, культура – это самая лучшая политика.

- Конечно, это так. Именно поэтому я очень рад, что у меня есть два докторанта из Москвы.

- Перед началом нашего разговора вы читали какой-то внушительный фолиант. Что это за книга?

- Это перевод греческого текста VIII века о солдатах, принявших сторону Христа. Независимо друг от друга были сделаны три перевода с греческого – два армянских и один грузинский. Греческий текст утрачен, и я собираюсь по этим переводам восстановить греческую модель. Я обнаружил также текст VI века, который был создан в Константинополе, написанный изумительным литературным стилем. Греческий материал опять-таки утрачен, но сохранился на грузинском языке.

- А чему была посвящена конференция в Батуми, в которой вы принимали участие?

- Вопросам Тао-Кларджети. Это великий памятник архитектуры. Подобные ему находятся во Мцхета и

хорошо заработать? Но в настоящее время я веду двух докторантов из Москвы. Очень одарены оба. Оба занимаются древней Грузией и древней Арменией. И я доволен, потому что это научный мост между странами. Знаете, мне не раз, и во Франции, и в Москве, приходилось сталкиваться с высокомерным отношением к культуре Грузии, Армении. «Маленькая культура» - к несчастью, я слышал и такое. Ну вот, мои московские ученики внесут свой вклад в развенчание этого заблуждения.

- Правда ли, простите за не очень корректный вопрос, что армянские и азербайджанские ученые с трудом находят общий язык?

- Это очень-очень непростой вопрос. После распада Советского Союза, когда страны обрели независимость, усилился феномен национального самосознания. Думаю, этот процесс особенно тяжел для армян, которые очень пострадали от турок. И еще – мне сложно это произнести – но наука в Азербайджане часто используется в интересах политики.

Алаверди. К сожалению, Грузия утратила эту территорию, и сегодня она является турецкой провинцией. Участниками конференции были грузинские ученые, турецкие археологи, экологи, специалисты по реставрации памятников. Грузины хотя и участвуют в процессе реставрации, и в Турции хорошо осознают, что речь идет о памятнике христианской культуры. В конференции принял участие японец – специалист по истории Персии, который прекрасно понимает, сколько ценных исторических источников находится в Грузии, и потому выучил грузинский. На конференцию приехали также двое молодых ученых из Армении и специалист по истории искусств из Италии.

- Вы довольны конференцией?

- Очень. Особенно потому, что я увидел молодых специалистов, профессиональный уровень которых уже очень высок.

- А на каком языке вы общались друг с другом?

- Было три официальных языка – грузинский, английский и турецкий.

- На каком вам было легче всего общаться?

- На грузинском.

- Я слышала, что вы обладатель уникальной библиотеки?

- Да. Кстати, когда я приехал в Армению и Грузию впервые, в советскую эпоху, то обнаружил здесь множество замечательных современных книг из той области, которая интересует текстологов, археологов... К сожалению, мы, в Европе, игнорируем множество замечательных изданий, которые появляются здесь. И можно сказать, что я прорубил окно – посылал сюда европейские издания и отсылал отсюда армянские и грузинские книги, познакомил с ними европейских специалистов. Эти книги пополняют мою библиотеку. А всего в ней более 20 тысяч томов, и в основном – по Кавказу. Конечно, это безумие (смеется).

- Как у вас помещаются все эти книги?

- В этом-то и причина того, что я больше не живу в Париже. Надо быть миллионером, чтобы содержать такую квартиру, где могли бы поместиться 20 тысяч книг. У меня таких денег нет. Я переехал в деревню – купил старую ферму в 265 километрах к югу от Парижа на границе с Бургундией. Мне очень приятно там жить.

- Не скучаете по Парижу?

- Я приезжаю читать лекции в Париж. Но я счастлив жить в деревне. У меня есть сад, огород, я выращиваю фрукты, овощи... В этом году уродилось не очень много. Морковь, картофель, лук, бобы...

- Вы сами ухаживаете за посадками?

- Конечно. Я стараюсь работать на земле не менее двух часов каждый день.

- Вы живете с семьей?

- С женой и дочерью. Моя жена – творческий человек, занимается пением, театром, скульптурой. А наша дочь одарена в области языков, она говорит по-английски так же, как по-французски, хорошо знает немецкий и персидский. В этом году закончила магистратуру по международным связям.

- Какая работа вас ожидает дома?

- Много всего. Сперва – научный семинар в университете Монпелье, который объединяет университеты Монпелье, Или и в Тбилиси и Ереванский. Последний семинар прошел в Тбилиси, а следующий состоится в Ереване. Затем я отправлюсь в Ереван. Мы работаем над каталогом всех грузинских фрагментов, которые содержатся в армянских манускриптах. Там очень много интересных вещей, начиная с X века. Затем я поеду в Варшаву. Несколько лет назад Грузинская и

Польская Православные Церкви канонизировали Григола Перадзе, который был необыкновенной личностью, великим ученым. Он родился в Кахетии, уехал в Германию, где занимался наукой. И так никогда и не вернулся в Грузию. Он принял монашеский постриг в Париже, основал там грузинский приход и стал его настоятелем. Отца Григория пригласили на теологический факультет Варшавского университета на должность профессора. Во время войны по доносу он попал в

▲ Бернар Утье с сотрудниками Матенадарана

гестапо, провел несколько месяцев в тюрьме Павяк в Варшаве. Затем его перевели в Освенцим, где он был расстрелян. Для меня большая честь, что в этом году Польша удостоила меня премии имени Григола Перадзе. И еще принято решение издать полное собрание сочинений Григола Перадзе, и меня попросили принять в этом участие.

- Как сегодня живет ученый во Франции?

- Между нами говоря, во Франции ученым становится все труднее и труднее. Я работаю в Национальном центре научных исследований – Centre National de la Recherche Scientifique – и очень стараюсь привлекать студентов к научной работе, но... Сейчас сложное время. Потому что не думают ни о чем, кроме как о зарабатывании денег. Всюду одна и та же история – капитализм разделил поколения, и те, кто идет вслед за нами, принадлежат к новой генерации.

- Что делать?

- Необходимо максимально помогать всем тем, кто талантлив, честен и готов что-то поменять в этом мире к лучшему.

- Что вы пожелаете нашим читателям?

- Вы знаете, у меня с Тбилиси связаны очень хорошие воспоминания. Я помню, в советское время я приехал сюда работать в Институте языкознания. Не мог остановить такси и поймал частника. Он оказался тбилисским русским. Он понял, что я говорю по-грузински и, по-моему, был удивлен, даже восхищен, что иностранец знает грузинский язык. Когда мы прибыли на место, и я спросил его, сколько должен, он вскинул руки и ответил: «Ради бога!» Я думаю, что вы играете большую роль – вы, кто любит грузинскую культуру и понимает, насколько это великая культура.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Хотите верить, хотите нет, а тогда двери в борцовский зал перед ним никто радушно не распахивал. Удивительно, но факт: заслуженный тренер, этот знаток борьбы Гиви Зауташвили отказал ему в приеме в группу занимающихся, дескать, укомплектована под завязку, и ты, парень, опоздал и по возрасту. Вот если бы чуть раньше...

Тот, кому было отказано, смотрел обескураженно на Джемала, старшего брата, который, собственно, и устроил перед своим тренером эти смотрины, и думал: ну, какой же я старик, когда это успел состариться, не выйдя из подросткового возраста?

В их селе Дзлевисджвари грузинская борьба была в почете, каждую неделю от желающих войти в круг и помериться силой отбоя не было, а Спиридона Хабарели знали как лучшего борца, бесподобного мочидаве, и старики, глядя на Шоту, умилялись до чего он похож на деда, как половинка яблока, и лицом, и удалью, перед которой пасовали и его ровесники и те, кто постарше.

Словом, не на шутку обиженный парень всерьез взялся за дело, и для начала выиграл соревнования по грузинской борьбе в том же Гори, на глазах у Зауташвили, который ему потом говорит: «Ходи к нам на тренировки. Только знай: опозданий не терплю».

Новичка дважды приглашать не пришлось. От села Дзлевисджвари до Гори двадцать пять километров, до секции дзюдо в клубе хлопчатобумажного комбината, и каждый день Шота, которому старенький автобус по строгому графику никто не подавал, в любую погоду являлся на занятия в урочное время, сам того не зная, что ему на роду написано преумножить славу воспитанников всемирно известной горьской школы чемпионов дзюдо. Как успевал, как ни разу не опоздал, - знал он один, но только бредил борьбой с Японских островов, славящей победу ловкости на дороге грубой силы, ее гортанными командами, чеканными, как бы заимствованными из древнеяпонской поэзии.

Зауташвили любил возиться на ковре с учениками, за одну тренировку успевал отбороться с каждым, щедро делиась опытом, секретами борьбы, в которой многое знал до мелочей. Шота потом вспоминал, как трудно было освободиться от стальных захватов наставника, так непохожего на тех, что подготовив чемпиона республики, держат себя так, будто они заместители бога на земле. И еще знал: если сам за свою спортивную жизнь ни разу не ушел с ковра, понурился головой, проиграв после захвата с

ШАГАЮЩИЙ ПО ВЕРШИНАМ

▲ Шота Хабарели - олимпийский чемпион. Москва. 1980

удержанием или болевого приема, это – школа Гиви Зауташвили.

И еще был путеводный ориентир, на кого хотелось хоть немножко походить, на их общего кумира – первого советского (и грузинского!) олимпийского чемпиона по дзюдо в Мюнхене 1972 года. Шота Чочишвили, он ведь не только соотечественник – земляк из Карельского района.

После года занятий Шота Хабарели победил на республиканских соревнованиях юниоров (вот откуда он начинал!) и выполнил норму мастера спорта. В 1978 году дебютировал на всесоюзном чемпионате – он третий, через год – второй. Уже проявляет силу, стабильно держит высоту, но еще не лидер в своем полусреднем весе. А потом случилось необыкновенное чудо – для посторонних, а для него – наработанный сотнями часов изнурительных тренировок до седьмого пота, сотней бросков за одно занятие в зале – стремительный, все сметающий на пути, качественный скачок.

Шота побеждает на четырех международных турнирах, его вводят в сборную страны, выезжающую на чемпионат Европы в Хельсинки, где он выходит в финал и занимает второе место, а также удостоивается золотой медали за победу в команде. На мировом первенстве в Париже замыкает первую шестерку, но знает свою истинную силу и усиливает нагрузки по совету Зауташвили; особое внимание обращает на силовую подготовку. И уже выступая за армейский спортклуб ЗакВО, шлифует технику бросков под руководством другого своего тренера, Джемала Нателашвили, мастера спорта международного класса, серебряного призера чемпионатов Европы и страны, знатока борь-

бы в стойке.

Олимпийский 1980 год начинается для него с победы на традиционном Тбилисском международном турнире по дзюдо, который тогда отметил свое десятилетие. В финале Шота превзошел Алексея Волосова из города Электросталь в силовом единоборстве, поверженцем которого был гость грузинской столицы. Это посчитал добрым предзнаменованием перед труднейшими испытаниями. И старший тренер советской сборной Борис Мищенко подтверждает правильность избранного им курса: «Если не сбавишь темпа, наверно, будешь бороться на Олимпиаде. Только больше трудись. У спортсмена Олимпиада бывает раз в жизни».

Запали Шота в душу слова наставника, который не скрывал, что верит в него, рассчитывает. Но волнения не убавили, претендентов в олимпийскую команду было предостаточно, и всем следовало дать веский ответ.

Когда подошло время окончательно определить состав сборной, мнения тренеров разделились. Мищенко отдает предпочтение Хабарели, но он один не решает. Устраивают нашему борцу дополнительную проверку – контрольную встречу с тем же Волосовым, и не одну, а три. А он во всех трех одерживает верх.

Как интересно воротиться в то далекое время, когда важно максимально обуздать волю, не отступить, когда пути отхода не было. Именно этими качествами, чувством повышенной ответственности, считал старший тренер сборной Грузии и тренер сборной СССР Бидзина Мазиашвили, обладают люди, которых очень ценят тренеры. Шота Хабарели – первый из их числа.

Шота вспоминал: «Я постарался взглянуть на себя глазами постороннего человека. Не единожды довелось прочитать, что альпинисты перед решающим штурмом вершины еще раз проверяют снаряжение, которое до этого по крайней мере десять раз проверили. Почему они так поступают? Думаю, для того, чтобы еще раз убедиться, что хорошо снаряжены. Вот и я захотел проверить мое оружие. Каждый борец грузин проходит по мосту, который соединяет чигаоба и дзюдо. Только надо знать, на какой части моста ты находишься. Переходить полностью на дзюдо опасно. Японцы с тайнами дзюдо знакомятся с детства и это знание с ними на всю жизнь. Во мне же чигаоба остается на протяжении всей жизни. И я ведь в детстве ее изучил не потому, что нужна была, а без нее просто не смог бы. Какой вывод можно извлечь отсюда? Тот, что иду по мосту и ищу золотую середину: все то, что дала мне чигаоба, всеми силами должно помочь мне на татами. Встречались мне тренеры, которые желали добра и советовали: «Забудь ты про чигаоба, ты дзюдоист». Да, я дзюдоист, а потому должен хорошо помнить все то, что дала мне чигаоба. С большей тщательностью приступил к отработке-шлифовке многочисленных приемов нашей грузинской борьбы. От меня тренеры многого требовали, но я имел и собственный встречный план и его выполнял. Это дало мне веру в свои возможности».

Удивительное признание, не правда ли? Честное и предельно откровенное. И какая сила в каждом слове этой взволнованной исповеди, внутреннего монолога спортсмена, который, не сомневаюсь, он вел перед выходом на татами Московской олимпиады 1980 года, где ему бросали вызов сильнейшие борцы мира.

Первая схватка с представителем команды ГДР, чемпионом Европы Харальдом Хайнке. Хабарели вспоминал: «Чувствую, он хорошо подготовился. На

▲ Шота Хабарели, Шота Мирианашвили и Вахтанг Благидзе на вершине «Олимпиец Грузии». 1983

мою попытку провести подсечку отвечает контрприемом – поймал ногу. К этой уловке раньше он не прибегал, специально подготовил к нашей встрече. Судьи оценили его действия «кокой». Итак, проигрываю».

Хабарели прибавил темп, угрожает сотней обманных движений, готовя броски, но немецкий боец мастерски защищается. За две минуты до гонга Шота взвинтил темп. Судьи останавливают схватку и объявляют Харальду за пассивность замечание – «сидо». Счет сравнялся.

Наш боец понимает, что останавливаться нельзя: если схватка так и закончится, судьбу решает «хантей» - победа по решению судей. И еще неизвестно, чью сторону судьи примут. Следует молниеносная подсечка, в грузинской борьбе ее называют «гадаавле», и Харальд на ковре. Есть «кока», а это уже победа.

Следующая встреча – с болгаринцем Георгием Петровым, их седьмая по счету. И все они закончились в пользу Хабарели. Пройдя румына Мирчу Фрейтиге, он вышел в финал. От олимпийского золота его отделяет один шаг, но какой!

Кубинец Хуан Ферер, гигант под два метра, в полуфинале одержал чистую победу в схватке с представителем Франции Бернаром Чулояном, одним из самых техничных дзюдоистов мира.

Выходя бороться против Ферера, Шота помнил совет Бориса Мищенко: «Если сумеешь заблокировать его левую руку – выиграешь. Не сумеешь – проиграешь». Шота технически верно вел поединок и был хозяином положения. «Левую!» - кричит ему Мищенко. «Левую, левую!» - кричат по-грузински друзья.

Нейтрализовал Шота левую и чувствует, какими беспомощными стали попытки Хуана – оценки посыпались, как из рога изобилия: две «кока» и две «юко».

Шота Хабарели – олимпийский чемпион!

Он видит все: и слезы на глазах второго призера Олимпиады в раздевалке, и счастливые лица друзей. Его переполняет радость – он нужен людям, своему родному народу.

Взойдя на высшую спортивную вершину, Шота не изменился, остался таким же простым, отзывчивым и внимательным, каким его знают и любят. Он несколько не подвержен «звездной болезни», несмотря на многочисленные спортивные победы.

Они встретились на свадьбе друга, он и студентка второго курса медицинского института Манони Сихарулидзе. Она не сразу поверила, что этот парень напротив – олимпийский чемпион! Поженились они в том же году, и Манони разделила с Шота огромный груз, возложенный на плечи выдающегося спортсмена и выдающегося тренера, который нередко по несколько месяцев оказывался вдали от дома, где его ждали жена и дети Мамука и Ани. Ничего не поделаешь – такова спортивная жизнь.

В 1982 году Шота наконец стал чемпионом СССР. Потом пошла полоса неудач. Потребовалось увеличить интенсивность тренировок. Выиграл Шота Спартакиаду народов СССР 1983 и отправился на чемпионат мира. Там в финале после замечания «сидо» уступил японцу, у кого выиграл двумя месяцами раньше, а здесь проиграл, боролся с температурой, простудился. Проиграл и чемпионат СССР-84 борцу из Курска Юрию Меркулову. Решил доказать, что рано его списывать, и через год выиграл первенство в четвертый раз!

11 октября 1983 года заслуженный мастер спорта Шота Хабарели вместе с еще одним триумфатором Московской олимпиады, чемпионом в греко-римской борьбе Вахтангом Благидзе в ознаменование 50-летия отечественного олимпизма вошел на безымянную вершину Кавкасион. В составе экспедиции альпини-

▼ Зураб Звидаури

▲ Радость тренера. Шота Хабарели, Нестор Хергиани, Зураб Кахабришвили. Афины. 2004

стов Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили. Экспедицию возглавляли выдающиеся грузинские горовосходители, чемпионы СССР Шота Мирианшвили и Дмитрий Дангадзе. Вершине на правах первовосходителей присвоили наименование «Олимпиец Грузии».

Победитель крупнейших соревнований: Олимпийских игр, чемпионатов мира и Европы, Спартакиады народов СССР, Тбилисского международного турнира по дзюдо, абсолютный палаван Грузии по грузинской борьбе, кавалер правительственных и спортивных орденов, Шота Хабарели выполнял равно трудные и ответственные обязанности старшего тренера сборной Грузии (1987-1991, 1997-2009). Через его руки прошло несметное число чемпионов Европы и мира, вырастил двух олимпийских чемпионов, дважды сборная Грузии стала победительницей европейского первенства, завоевала Кубок мира. Многие его воспитанники выросли чемпионами, другие – просто прекрасными людьми, и все они ему дороги и продолжают их связывать теплые отношения. На чемпионате мира 1989 года в Белграде за советскую сборную выступали четыре грузина, двое (Амиран Тотикашвили, Коба Куртанидзе) стали чемпионами, остальные двое – серебряным (Акакий Кибордзалидзе) и бронзовым (Георгий Тенадзе) призерами. Испытал огромную радость и гордость, когда на Олимпиаде в Афинах (2004) при награждении Зураба Звиадаури золотой и Нестора Хергиани серебряной олимпийскими медалями, подняли на флагштоке флаг независимой Грузии и звучал новый ее гимн – дзюдоисты первыми из наших спортсменов заслужили это право.

По итогам 2006 года Ш.Хабарели назвали лучшим тренером мира. Под конец года сборная Грузии впервые выиграла командный чемпионат мира. «Оба отличия не отделяю друг от друга, - признался Шота. - Это очень приятно, когда труд и старание оценивают

по достоинству. Было ли это неожиданностью? Наша сборная все турниры прошла успешно и выиграла Кубок мира. Победа командой «мира» - это такое дело, когда от работы тренера многое зависит. И это звание досталось мне, и я счастлив. Отдельно хочу сказать о Зазе Кеделашвили, о его героизме. В первом же поединке Кубка мира он получил сотрясение мозга, однако, с риском для жизни, боролся в остальных встречах и во всех одержал чистые победы... В командной победе его заслуги трудно оценить. К тому же Заза стал чемпионом мира. Ираклий Цирекидзе отлично провел сезон. Многие ребята отличились, но особо хочу выделить этих двух. Кеделашвили только 21 год. Годом раньше был вторым на «мире», выиграл Тбилисский международный турнир. Ну, а 2006 год провел просто блестяще и был назван лучшим спортсменом года по итогам традиционного референдума спортивных журналистов Грузии».

«Олимпийские игры, - говорит Шота Хабарели, - самые масштабные соревнования, и когда твой воспитанник становится олимпийским чемпионом, тобой овладевает ни с чем несравнимое чувство (так было в Афинах в 2004 году с Зурабом Звиадаури, через четырехлетие в Пекине другой воспитанник Ш.Хабарели Ираклий Цирекидзе также праздновал победу на Играх – А.Е.). Когда твоя команда, где ты тренер, становится сильнейшей в мире, это не меньшая радость, хотя я все-таки поставил бы на первое место победу на Олимпиаде».

1 октября этого года Шота Хабарели покорилась еще одна вершина – он был избран мажоритарным депутатом в Парламент Грузии от коалиции «Грузинская мечта».

Он все так же любим, ему доверяют, он нужен своему народу.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Улица Ладо Асатиани, 6

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

Как все-таки жаль, что по лицам людей, идущих на встречу по сололакским мостовым, нельзя определить, о чем они думают... Вот так же шел в середине 40-х годов к дому №6 на улице Энгельса (ныне носящей имя Ладо Асатиани) весьма необычный для местной публики мужчина – со светлыми длинными волосами, в длинном черном пальто. Всезнающие соседские мальчишки приписывали ему самые романтические по их мнению профессии: летчика, разведчика, ждущего важное задание, и даже известного вора. Но они ошибались – этот довольно замкнутый человек был «всего лишь» поэтом. Со своего последнего этажа он отправлялся не навстречу приключениям, а в редакции газет «Боец РКК» и «Заря Востока». И может, именно в те минуты, когда он шел мимо с детства знакомых, уже начинающих ветшать особняков, в голове его рождался призыв к тем, кто далек от города, раскинувшего-

ся вдоль Куры: «Где бы вы ни находились, бросайте свои дела, берите билет, садитесь в поезд, на пароход и мчитесь на Кавказ. Вы не минуете Тифлиса. Ваши собственные глаза расскажут вам больше, чем перо беллетриста». В детстве этого человека звали Михаил Ковалев, на протяжении всей остальной долгой жизни – Рюрик Ивнев.

Вообще-то юные сололакские фантазеры были правы в одном: приключений в его жизни хватало. Правда, смертельно опасными они не были – коварный XX век уберег его от печальной участи многих других российских литераторов. Но при этом не дал ему главного для пишущего человека – такой же прижизненной славы, как его сотоварищам по легендарному Серебряному веку. Между тем, казалось, что предпосылки для этого были...

Тифлисская дворянская семья Ковалевых жила во-

▲ Рюрик Ивнев в юности

инскими традициями. Отец будущего поэта – капитан от юриспруденции, помощник прокурора Кавказского военно-окружного суда. Дед по матери, полковник Принц – потомок графа, приехавшего из Голландии на службу к Петру I. Все в его роду были только на военной службе. И вместо поэта Ивнева вполне мог бы жить на свете еще один офицер Ковалев, если бы трехлетний Миша не остался без отца. Овдовевшей матери семейства надо растить двух детей, она ищет работу и получает место начальницы Мариинской женской гимназии в Карсе. А Миша сначала живет в Тифлисе у бабушки, и от нее, с Грибоевской улицы, ходит в верхний конец улицы Чавчавадзе – в Пансион остзейских баронесс девиц Тизенгаузен. Это заведение, где детей обучали начальной грамоте, готовя к гимназии, - у самого подножья Мтацминды. Горы, которую спустя годы Рюрик Ивнев назовет удивительной и добавит: «...Кажется, что эта гора охраняет город, доверчиво раскинувшийся у ее склона». А тогда в пансионе русский язык ему преподает некая «добрая Мария Львовна», и это, пожалуй, первый шаг восьмилетнего Миши к литературе.

Следующий шаг сделан уже в Тифлисском Великого князя Михаила Николаевича кадетском корпусе. Куда же еще отдать мальчика с такими семейными традициями? Но храброго офицера из него так и не получится. Первые литературные опыты приходятся как раз на кадетскую пору. Вот – совсем детское, написанное в 11 лет: «Девушка по воду шла, / Кувшин на плече несла. / Завидя меня смутилась, / Как серна. Остановилась// И образ красавицы той, / Казалось, манил за собой». Дальше – больше: «Я очень увлекся нашими кадетскими журналами, читаю... Называют «истаскан-

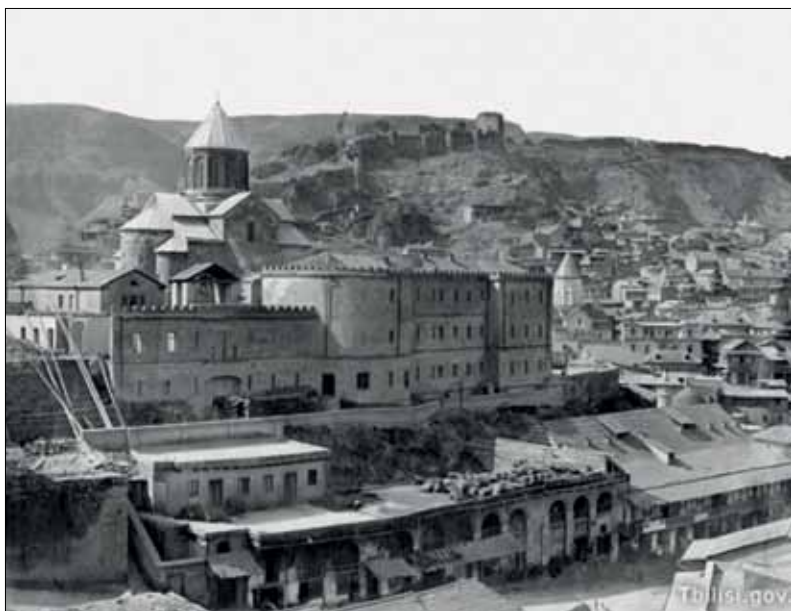
ным», «исстрадавшимся» поэтом. Эти иронические названия с одной стороны меня обижают, но я вспоминаю, что и не таких как я, а самых великих поэтов и писателей тоже не раз подвергали строжайшей и несправедливой критике, напр. Надсона, Гоголя. Я не унываю, и писать продолжаю».

Но не только поэзия привлекает кадета больше, чем военные науки. В предполагаемом слуге царю и отечеству закипели революционные идеи. Во-первых, сказалось влияние соученика по корпусу Павла Павлова. Тот – тоже из хорошей, как говорилось, семьи: сын генерал-лейтенанта, племянник помощника наместника Кавказа. Да вот увлекся революцией, вовсе участвует в массовых выступлениях 1905 года, а с годами вообще станет красным командиром, героем гражданской войны. Это – один из самых ближайших друзей Михаила, первый читатель и критик его стихов. Они будут поддерживать связи и за пределами Грузии. А приезжая в родной город, поэт Ивнев не раз остановится в семье Павловых, и ему даже будет сниться «тифлисский их балкон напротив Народного Дома», то есть, нынешнего Театра имени Котэ Марджанишвили. Ну, а помимо задушевного друга, на кадета Ковалева влияет и тетя Тамара, родная сестра любимой мамы. Это, как говорится, еще та тетя!

«Правительство в моем лице приобрело хотя и не опасного для себя, но непримиримого врага», - пишет родным эта дочь полковника, вступившая в... «летучий отряд социал-революционной партии». И при этом кривит душой: она очень опасна, именно на нее, как пишут газеты 1906 года, «пал жребий умертвить барона А.В. Каульбарса». Говоря конкретней, командующего войсками Одесского военного округа, которого, между прочим, хорошо знал ее отец. И все выглядело бы комически, когда бы не было так печально. Воспользовавшись знакомством с дочерьми генерала, Тамара бывает у него в доме, однако там привести в исполнение «партийное задание» не удается, и приходит мысль взорвать барона на улице. Но ридикюль с бомбой задевает пробежавший мальчишка, оттуда начинает валить дым, и террористка, отбросив заряд в сторону... стреляет в себя. До этой трагедии она уже успела основательно запудрить мозги племяннику-кадету.

В общем, можно понять, почему увлекшийся поэзией и свободолюбием 17-летний юноша решает продол-

▼ Метехи

жать учебу не в юнкерском училище, а пойти по другой отцовской стезе, более мирной – стать юристом. Он поступает в Петербургский университет, и там, в «Студенческом сборнике» в 1909 году впервые увидит напечатанным свое стихотворение – «В наши дни». В 1912-м он уже обличает «мораль сытых» в большевистской газете «Звезда», из-за чего вынужден покинуть столицу и перебраться в Московский университет. Но мы не будем заглядывать в те политизированные строки, намного интереснее прочесть другие, написанные за год до них:

СТАРЫЙ ТИФЛИС

*Толпа веселой лентой вьется,
Прозрачен воздух, даль его ясна,
И улица волнением полна,
Гортанный говор над Курой несется.*

*Поет грузин – ему легко поется,
И песнь его шумлива и хмельна.
Веселый люд собрался у окна,
И только перс конфетчик не смеется.*

*Куда ни глянь – живая бронза лиц,
Здесь солнце со всего земного шара.
Духан открыт. Звенят вино и тара.*

*Хмельная речь, как крылья небылиц,
Летит ко мне беспечной стаей птиц,
Лаская слух симфонией базара.*

Вот такой сонет-репортаж с улиц города, милого сердцу Миши Ковалева. А с 1913-го мы уже никогда не увидим это имя ни под одним произведением. В том году у молодого человека – два знаменательных события: получение диплома правоведа и выход первой книги стихов «Самосожжение». Он мечтает о псевдониме: «...Ну, кто, скажите, станет читать стихи какого-то там Михаила Ковалева, еще смеяться будут – не родственник ли он тому гоголевскому майору Ковалеву...» Псевдоним приходит к нему во сне – он видит свою книгу с фамилией «РЮРИКЪ ИВНЕВЪ». Так на-

▼ Кадетский корпус в Тифлисе

чинается жизнь поэта-эгофутуриста. Жизнь богемная – салоны, кафе для избранных талантов, диспуты... У его собратьев по футуристическому цеху тоже псевдонимы, на которых взгляд не может не задержаться: Константин Олимпов, Василиск Гнедов, С. Грааль-Арельский... Но главное, что он в кругу и таких имен как Александр Блок, Константин Бальмонт, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Игорь Северянин, Федор Сологуб, Михаил Кузмин, Вадим Шершеневич... Ему посвящают стихи Марина Цветаева, Анатолий Мариенгоф и, конечно, Сергей Есенин, ставший его другом. При этом Ивнев не приживается ни в одном модернистском течении, сменяя «Мезонин поэзии», «Центрифугу», «Орден имажинистов»...

А еще в этой новой жизни были поездки по миру – Германия, Дальний Восток, Япония. Был, как и у Блока и Кузмина, «роман» с большевиками, правда, затянувшийся:

*А мы, юнцы, от счастья трепетали,
Умнее став сановных стариков,
И неуклюже руки пожимали
Спустившихся с трибун большевиков.*

Зачарованный блестящими речами Анатолия Луначарского, он становится его личным секретарем, ездит по стране в агитпоезде его имени, становится по инициативе этого наркома председателем Всероссийского Союза поэтов, входит в Коллегию по организации Красной Армии... Но где бы ни жил Рюрик Ивнев, что бы ни писал, в какие бы скандалы богемной жизни и политические течения ни был вовлечен, ничто не может затмить ему родного города:

*...Океаны, моря и заливы,
Японская осень и древний Тифлис...
Они-то слезой и улыбкой счастливой
В одну неразрывную повесть сплелись.*

И он приезжает в места детства если не ежегодно, то обязательно через пару-тройку лет.

Вот, сразу после университета, в 1913-м, он даже

▲ Р.Ивнев, В.Чернявский и С.Есенин. 1915

пытается сменить Москву и Питер на работу в Тифлисской судебной палате, но вскоре чувствует «отвращение к ней». Вот, в следующем году навещает больную мать, еще через пару лет, прикомандировавшись к Тифлисскому Красному Кресту, живет вместе с ней у знакомых на Анастасьевской улице. Снова пытается остаться навсегда, но «произошли кое-какие перемены в планах».

И тут, дорогие читатели, взглянем на эту улицу из нашего времени. Многим поколениям тбилисцев она известна как Перовская, а теперь носит имя замечательной художницы Елены Ахвледиани, которую ее бывший сосед по улице Ивнев позже охарактеризовал так: «...Готова утопить большевиков в ложке воды, носящая демонстративно перстень с изображением Георгия Победоносца». Интересно заглянуть и в 1919 год. Рюрик читает в Тифлисе стихи о Ленине, и грузинское правительство высылает его. С 1921-го по 1923-й он опять живет в родном городе, а в 1936-м переезжает сюда аж на целые 14 лет. «Роман» с большевиками закончен, сгинули после арестов многие из тех, с кем он общался, он навсегда уходит с официальных постов и именно в Тбилиси начинает профессионально заниматься только литературой. Его стихи не запрещаются, но «широкому читателю» они многие и многие годы не были известны. Между тем, в Тбилиси, в 1940-х, за пять лет издаются три его сборника и даже книга избранного в переводе на грузинский. А вот, говоря нынешнему, необходимого пиара не было.

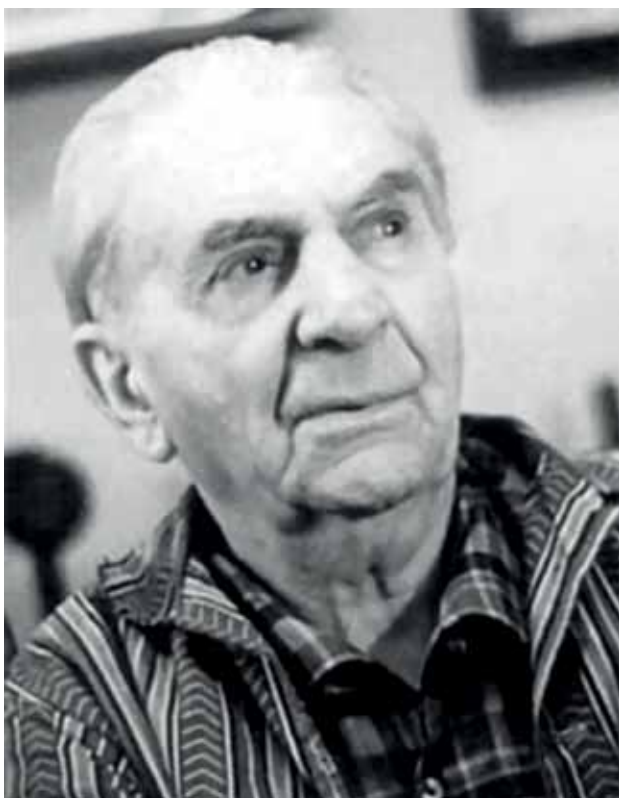
Конечно же, мечтающий о славе, но лишенный пробивных качеств, поэт переживает. Тем не менее, он – в блестящем кругу литераторов Георгия Леонидзе, Валериана Гаприндашвили, Акопа Акопяна, Иосифа Гришашвили, Михаила Джавахишвили, Симона Чиковани, актера Акакия Васадзе... С кем-то у него разногласия,

кто-то ему ближе, как, например, Датики – Давид Арсенишвили, будущий основатель и первый директор Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева в Москве. Но в целом жить и работать в Тбилиси можно. Перевод на русский язык «Витязя в тигровой шкуре», сделанный Георгием Цагарели, он редактирует вместе с Владимиром Эльснером, шафером на свадьбе Ахматовой и Гумилева, будущим руководителем литературного объединения при газете «Молодой сталинец», где получили «путевку в жизнь» многие русские поэты Грузии. Редактирование сближает Ивнева с автором перевода, который к тому же написал сценарий фильма Михаила Чиаурели «Великое зарево». Так что, в кинотеатрах конца 30-х годов мы сможем увидеть Рюрика на экране. Правда, имя его в титрах не значится и Сталинской премии I степени, врученной создателям картины, он не удостоился. Роль была эпизодическая, да еще – Керенского.

В общем, на родине поэт работой не обделен, пишутся собственные стихи, переводятся грузинские. А еще всюду идет работа над автобиографическим романом с многоговорящим названием «У подножья Мтацминды». Именно в нем – одни из лучших прозаических строк, написанных о Тбилиси. Вот – раннее утро: «Тифлис просыпается как-то особенно вкусно. Нигде так не ощущаешь жизнь, как здесь – город весь в ярких солнечных красках. А потому горечь здесь горше, радость – сильнее, а любовь прекраснее. Здесь даже ковры выколачивают с какой-то особой веселостью». А вот – вечер и тот самый уникальный вагончик фуникулера, который уже не могут помнить молодые тбилисцы: «Небо, обтянутое черным бархатом, сверкало бесчисленными звездами... Я закрыл глаза. Фуникулер медленно полз наверх. Мне казалось, что сердце мое поднимается к небу по ступенькам, сложенным из

человеческих ладоней... Когда вагон, вздрогнув, остановился, мне показалось, что этот толчок произошел от того, что сердце мое оборвало нить, связывавшую его с моим телом. И, может быть, когда-нибудь, вспоминая свою жизнь, я буду вспоминать не длинную извилистую тропинку лет, а эти несколько минут, во время которых мое сердце, как отдельное существо, поднималось на фуникулере на гору Святого Давида...» То же самое могут повторить тысячи и тысячи людей, хоть раз побывавших в этом вагончике и на этой горе, объединенных горожанами в одно имя собственное – Фуникулер. Только так, с большой буквы.

А еще Рюрик Ивнев, сам того не ведая, сплел для родного города удивительную связь времен. «Старушка продает на улице какие-то вешалки. Ей холодно. Она подпрыгивает, чтобы согреться. Это уже не простая уличная картина. Это – символ»... «Ужасная катастрофа на Майдане. На горе прорвалось водохранилище...» Нет, дорогие читатели, эти картинки не из нынешних дней, хотя тбилисцам они явно покажутся до боли знакомыми. Первой из них 76 лет, второй – 57. И этой прозой жизни поэт засвидетельствовал, что во все времена при любом строе мы, увы, не защищены от катастроф – и социальных, и природных. Но давайте с грустных строк перейдем к другим, я бы сказал, вкусным. Ивнев восхищен не только самим городом, но

▲ Рюрик Ивнев

и его кухни: «...Горячие чуреки, не изведав которых нельзя иметь даже приблизительного впечатления, что такое вкус хлеба; шашлыки, овульгаренные и ополненные всеми ресторанами мира, здесь, в Тифлисе, таковы, что о них преступно не упомянуть. А что может быть лучше тифлиских базаров? Красные помидоры, как бы говорящие: вот так должна выглядеть настоящая, здоровая кровь...» Это – тоже связь времен, с этим и сегодня согласится любой тбилисец, любой приезжий. Кроме, увы, местных властей, посчитавших, что лучше тифлиских базаров – супермаркеты. Но го-

▲ Давид Арсенишвили

родскую традицию не убьешь, неукротимые базарные торговцы доказывают это в самых различных местах, демонстрируя истинность еще одной ивневской фразы о Тбилиси: «Город приходил в себя, забывая о видениях. Быть может, городам, как и людям, снятся сны...»

Город, живущий в его снах, Ивнев покинул в 1950-м и потом снова и снова приезжал в него, пока позволяли здоровье и возраст. А он ведь прожил очень много – не дожив лишь трех дней до 90-летия и написав последнее стихотворение за несколько часов до смерти. Похороненный в Москве, он больше трети жизни провел в Тбилиси, а когда ему было 80, посвятил живущим в нем друзьям пронзительное:

*Пройдут года, ты будешь жить в Тбилиси.
Жена, заботы, голоса детей.
И вдруг найдешь случайно в груди писем
Стихи моих давно минувших дней.*

*На голос: - Папа, это ведь лексеби, -
Ты скажешь: - Да, - зажмуривши глаза, -
Должно быть, автор уж давно на небе,
Ведь это было много лет назад.*

*.....
И мозг, как будто освеженный ливнем,
Припомнит все! И крикнешь ты в ответ:
- Я вспомнил, сын, писал мне Рюрик Ивнев,
Когда мне было девятнадцать лет.*

Земле, на которой он родился, в которой лежит его мать, Ивнев посвятил немало стихов: «Пушкин в Грузии», «В большой Москве часы и дни считаю...», «Грузии», «Могу ли я забыть...», «Кура», «Тбилиси»... Но, поскольку наша страница посвящена одному, конкретному месту города, не будем на этот раз перечитывать те стихи, а прислушаемся к тому, что говорит один из персонажей романа «У подножья Мтацминды»: «Это – Сололаки, лучший район города. И я выбрал себе квартиру именно в этом районе».

Владимир ГОЛОВИН

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

▲ Семья Спиридона Вацадзе

■ **Нами Микоян**, писатель, журналист, музыковед, в книге «Своими глазами с любовью и печалью...» пишет об истории семьи и о людях, с которыми встречалась, в том числе с представителями власти страны И.Сталиным, Н.Хрущевым, Л.Брежневым, М.Горбачевым. Н.Микоян в октябре гостила в Тбилиси, посетила Армянский культурный центр (Айартун) и передала в дар книгу «Жизнь и деятельность Григория Арутюняна» в трех томах, выпущенную к 120-летию со дня рождения этого видного государственного деятеля Грузии и Армении. Публикуем главы из книги Нами Микоян «Своими глазами с любовью и печалью» в сокращении и воспоминания Виктории Сирадзе.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Когда-то начинала писать о родине родителей, их предков – там прошло мое детство. Рада, что эти воспоминания сохранились на бумаге, потому что теперь чувства, жившие во мне так долго, угасли, они не совпадают с сегодняшним днем, с тем, во что все вылилось.

В 1970 году писала в дневнике: «Какое счастье любить мир своего детства без горечи, так люблю я Грузию, страну людей с душой щедро-расточительной, где Руставели писал: “Что припрячешь – то пропало, что раздашь – вернется снова”». В высокие времена своего духа Грузия, ставшая отчизной для многих, обласкивая материнской рукой, открывала двери дома для всех страждущих.

В Кахетии, на юге Грузии, родился мой отец. Моя бабушка, армянка Гаянэ Теймуразова, по мужу Геуркова, носила грузинский головной убор «лечаки», не знала армянского, говорила только по-грузински и по-русски. На стене в уютном кирпичном фамильном доме под черепицей в городе Телави на Надикварской улице висела вышитая ею по канве девушка в армянском наряде, рядом – силуэты древних армянских городов, а внизу армянские буквы: «Айастан» (Армения) и подпись: «Гаянэ Теймуразянц. 1895 г.». Такой рисунок был традиционным в армянских семьях. Сейчас он украшает мою комнату.

Дед отца Геворк Безиргани, армянин, купеческого рода, в начале XIX века бежал от резни из Персии и

Григорий Арутинов

ЧЕЛОВЕК ОГРОМНОГО ОБАЯНИЯ И ДОБРОТЫ

В 1955-1959 годах, в период моей работы первым секретарем Кировского райкома партии, мне довелось встречаться с некоторыми соратниками Григория Артемьевича – бывшими прокурором Армении, министрами и другими должностными лицами.

Разогнанные режимом Хрущева, они возвращались в родной Тбилиси. При взятии на партийный учет в ту пору мы обычно встречались с вновь прибывшими коммунистами, занимались их трудоустройством.

Умудренные жизненным опытом, эти прекрасные люди (к сожалению, я уже не помню их фамилии) остались в моей памяти как образец цельной личности: умные, чистые, бескорыстные, не сломленные карьерными неудачами, беспредельно и свято преданные делу, которому верно служили всю свою сознательную жизнь.

Я тогда была очень молода и не переставала восхищаться и удивляться стойкости их духа и силе характера.

К сожалению, с Григорием Артемьевичем я не была знакома (он жил в соседнем районе), но была много слышана от его современников и преемников в Тбилисском горкоме партии – Сергея Мартыновича Ишханова, Карло Исаковича Баригяна, Елены Давидовны Чопикашвили и других.

Они часто говорили о Г.А. Арутинове как об очень яркой, творческой личности большого масштаба и размаха; как об очень сильном человеке – мудром, добродетельном и деятельном, человеке огромного обаяния и доброты.

Я еще застала ту атмосферу чистоты и созидания, высоты и тепла человеческих отношений, которые связывали этих замечательных людей.

Я помню, как мои современники старшего поколения, когда хотели кого-то очень похвалить, то обычно говорили, что «такого руководителя после Г.А. Арутинова в Тбилиси не было». И это было самым большим признанием.

Виктория СИРАДЗЕ

вместе со многими соотечественниками остался навсегда в удивительном краю людей, не побоявшихся разделить свою землю, Грузию, с пришедшими. Его сын Геворк сделал свое имя фамилией Геворкян, русифицированную позже в Геурков. У него были виноградники в Алазанской долине. В Телави он основал первую типографию, печатавшую книги на русском языке. Его дети, как и дети родственников – Арутиновых, Ониковых, Малянов, учились в гимназии. Они жили единой жизнью с соотечественниками грузинского царя Ираклия Ираклия II (Патара Кахи – маленького кахетинца), чей кирпичный дворец с резными деревянными балконами, как большой крестьянский дом, возвышался за красной крепостной стеной на краю города.

Летними вечерами, когда спадала жара, жители собирались в парке Надиквари, где было прохладно и открывался прекрасный вид на Алазанскую долину с извилистой лентой реки Алазани и на Кавказский горный хребет, синевший вдалеке. Шумели листьями старые дубы в парке и играл военный духовой оркестр – недалеко от города в старинных казармах стояла воинская часть царской армии. В центре города был театр, рядом фотоателье Тори, поэта-фотографа. Я еще застала его, полноватого благодушного армянина, а картонные плотные фотокарточки с размашисто-ветвистой подписью – еще одна, кроме вышивки с цифрами 1895 и именем бабушки – физическая связь моя с кахетинскими предками.

«Ах, это, братцы, о другом...» - строка из песни Булата Окуджавы очень точно подходит к воспоминаниям-ассоциациям.

Мысли бегут вперед, желая выскользнуть, воплотив всю память в страницы. Зрительные и слуховые образы, перебивая друг друга, спешат, и я не знаю, как выстроить их и что должно быть после чего, да и должно ли быть вообще...

К Телави еще вернусь. Уже когда никого из прошлого не будет в живых, сердце мое в поисках родных душ устремится в Алазанскую долину, где в природе особая гармония, сформировавшая любимых мной людей высокой нравственности и наивного идеализма, в 60-х годах так необходимых моему одиночеству. Я приеду туда, но увижу уже чужую даль. После Гомборского перевала, когда открылись внезапно долина с широкой Алазанью и далекие горы, замыкающие этот необычной красоты мир, сквозь дубовые рощи, мимо разрушенного монастыря Шуамта, подъезжая к Телави, я увидела только следы прошлой ухоженности обжитого городка. Красная черепица с крыш опала и ее заменили блестящей на солнце жемчужной, нелепая высокая гостиница «Интурист» выросла недалеко от вырубленного и засоренного парка Надиквари, символы власти стояли в центре города – безвкусные, уродливые здания райкома партии и милиции.

До конца ощутив бездонную пропасть, пустоту, охватившую душу, я стояла на холодных камнях храма Алаверди у зажженной свечи. Именно там я ощутила потребность креститься. Почтенный настоятель храма архимандрит Иоаким стал моим духовным отцом.

Я люблю въезжать в Грузию поездом. После медленного пути по долгому тоннелю состав, набирая высоту, напрягаясь, доходит до высшей точки и оттуда начинает с облегчением сбегать вниз. Солнце врывается в окна вагона. Первая остановка – все вокруг становится другим: горы, деревья, воздух, голоса гортанно-дружелюбные, темпераментно-повышенные. И постепенно Грузия входит в тебя звуками, ароматом сыроватого

▲ Спиридон Вацадзе - генерал медицинской службы, прадед Нами

▲ Мария Христинич-Вацадзе

горного леса, цветом высокого неба, лицами людей, окраской рек, ущелий, гор. После Гори, кажется, поезд медлит – оторваться от окна нет сил, и ждешь, ждешь той главной встречи, которая так волнует сердце. Первая электростанция, ЗАГЭС – памятный с детства, еще немного, еще, и вот он, дорогой мой, родной Тбилиси. Как найти слова, чтоб передать радость? Нетерпение мешаает, чувства спешат, и слов нет.

Так я и писала в середине 60-х годов, когда коммунистическая империя была еще в силе и своей жесткой централизованной властью сдерживала реакцию людей на искусственные преобразования – изменения границ и переселения, социальное неравенство наций. Все казалось спокойным, но это было обманчиво, и «подземные воды» прорвались в 90-х. Сегодня армяне в Кахетии скрывают свое происхождение.

«Все негрызины называются гостями», - провозгласил президент независимой Грузии Звиад Гамсахурдиа в 1991 году, и поднялась волна, полная агрессии. В 1992 году власть в Грузии взял бывший грузинский коммунистический лидер, при Горбачеве министр иностранных дел СССР Э.Шеварднадзе. Война в Южной Осетии, Абхазии. Кровь, месть, озлобленность, ненависть, анархия, как болезненная реакция, заливают все без разбора и логики. В 1993 году Гамсахурдиа не стало. Но разруха в экономике, военные стычки не кончились. В прекрасном городе Тбилиси нет света и воды, нет газа, а зимой отопления.

Вероятно, по каким-то законам истории надо переболеть, но так трудно перенести эту болезнь, дожидаться ее конца.

И потухло солнце над Грузией моего детства. Пытаясь понять, как все это случилось, возвращаюсь к самому началу.

Моя мать Ксения Анатольевна Приклонская родилась в 1909 году и детство провела в имении своей

бабушки Марии Александровны Христинич-Вацадзе в селе Глдани, недалеко от Тифлиса. Рассказывала мне мама в основном о предках по материнской линии. Об отце Анатолии Приклонском – мало. Был он военным юристом, дворянского происхождения. Приехал в Тифлис со своей матерью Пелагеей Приклонской из России – из Воронежа. В начале 20-х годов покончил жизнь самоубийством. О нем дома не говорили. Много позже, когда маме осталось два года жизни, она подарила мне на день рождения нарисованное ею родословное древо, рассказав о тех, с кого оно начиналось.

Так я узнала, что Приклонские были в родстве с Веневитиновыми, один из которых – поэт и друг Пушкина, что брат Пелагеи Приклонской по фамилии Львович (имя я забыла) был начальником канцелярии царского наместника в Тифлисе. Он и пригласил туда жить свою овдовевшую сестру с младшим сыном.

Как-то нам позвонила из Петербурга Лиза Невратова, она тоже потомок Приклонских, нашла нас по Интернету. У нее подробное генеалогическое древо Приклонских, они имели земли в Воронежской области. У Лизы сведения о роде Приклонских с XV века – много штабс-капитанов, один из Приклонских был ректором Московского университета, по женской линии были и князья Облонские, был и губернатор Иркутской губернии. Очень интересно.

Две деревянные резные шкатулки с вензелями рода Приклонских, которые с детства привлекали мое внимание, оказывается, хранятся у нас. Мама была еще совсем юной, когда ее отец покончил с собой. Он служил в Баку. Жена и дети жили в Тифлисе. Мне не хотелось расспрашивать. Что произошло со Львовичем – я тоже не интересовалась. Не от безразличия, а от ощущения, что это нанесет боль.

Мама лето проводила в семье своего дедушки, генерала медицинской службы Спиридона Вацадзе. Он окончил в Петербурге Военно-медицинскую академию, служил в армии.

В молодости был близок с Ильей Чавчавадзе, писателем-просветителем, олицетворяющим и сегодня идеал и дух грузинской нации, он был крестным моей бабушки – Нины Вацадзе. Семья мамино дедушки была большая и дружная. В доме рассказывали историю его женитьбы. Отец дедушки, Иосиф Вацадзе, служил протоиереем Сванетии. Сам жил в Раче (область Грузии). Все с ним считались и побаивались его. Когда его сын Спиридон влюбился в свою будущую жену, то никак не мог собраться с силами и попросить у отца разрешения на свадьбу.

Невеста, Мария Александровна Христинич, православная христианка, армянка по матери и сербка по отцу, жила с матерью в небольшом имении около Тифлиса, в Глдани. Рано оставшись без отца, привыкла все вопросы решать сама. С шестнадцати лет принимала участие в делах вместе с управляющим имением.

Поняв робость своего будущего мужа, молодая женщина собрала деловые бумаги, свидетельству-

щие о полном порядке в ее имуществе, и поехала в Рачу, к будущему свекру. Говорят, что она его полюбила, после их беседы протоиерей сам назначил день свадьбы своего сына. Мария Христинич-Вацадзе родила четырех сыновей и двух дочерей. Два старших сына учились в Лейпциге – Иосиф стал главным специалистом Тифлиса по подземным коммуникациям, Георгий – врачом, перед войной 1941 года был ректором Тбилисского медицинского института. Когда немецкая армия подошла к Кавказу, он как-то в разговоре с приятелем высоко отозвался о немецкой культуре. На другой день его арестовали. Вышел из тюрьмы в конце 50-х годов, больной, ослабевший. Вскоре умер. Третий брат исчез, говорили, что уехал в Америку, младший, Эраст, стал пить и умер в 40-х годах.

В семье говорили в основном по-русски. Старшие

▲ Анатолий Преклонский с дочерью Ксенией

сыновья, получив образование, женились: Иосиф – на немке Эмме, Георгий – на грузинке Пепеле. О жене Иосифа в большой семье тихо «сплетничали». Эмма была очень бережлива в хозяйстве.

Дочери Тамара и Нина получили хорошее образование. Нина, моя бабушка, окончила консерваторию и медицинские курсы.

Семья мамино дедушки Спиридона Вацадзе жила в Тифлисе в собственном трехэтажном доме на Петербургской улице, недалеко от кирхи – немецкой церкви. Строительством дома занималась сама бабушка. Дом был большой, бабушка Мария Александровна сдавала его в аренду, а семья занимала одну просторную квартиру. На доход от дома она и обучала детей за границей. После революции, когда дом отобрали (вначале квартиру им оставили), бабушка Мария Александровна переживала, а дедушка Спиридон Иосифович ее успокаивал: «Ты ведь строила дом, чтобы иметь деньги для учебы детей, они уже выучились, цель достигнута, больше тебе дом не нужен». Она с этим согласилась. Бабушке еще долго каждую осень из ее бывшего имения крестьяне привозили овощи и фрукты. Они ее помнили с детства и любили.

Дедушку новая власть вначале не трогала – за ним шла слава «святого Спиридона», так звали его боль-

ные, лечил он бесплатно. Спиридон Вацадзе первый организовал в Тифлисе службу скорой помощи. На курорте Абастумани еще долго тропинка для прогулки легочных больных называлась «тропинкой Вацадзе».

Но скоро сделанное им добро было забыто. Большую квартиру превратили в коммуналку, поселив еще несколько семей. Дедушка умер. Мария Александровна в основном жила у моей мамы. Я хорошо помню бабушку. Сдержанная, тихая, она вязала крючком покрывала для наших кукольных забав. Выходила из дому летом, прямая, в светлых перчатках, с зонтиком. В 12 часов пила кофе. Был конец 1930-х годов. «Кофе» она делала из сухого инжира и толченых желудей.

Никогда не забуду трогательную ее любовь и память о муже – его фотография всегда висела над ее кроватью, и, когда мы летом приезжали на дачу, которую обычно снимали, Мария Александровна спрашивала: «Где я буду спать?» – затем доставала гвоздик и вешала на стенку у кровати фотографию дедушки.

Последнее грустное воспоминание о ней относится к 40-м годам. Была война. В квартире мамы, как и у большинства жителей Тбилиси, не топились, все спали в одной комнате, там горела керосинка и было теплее. К тому времени, после гибели отца в 1937 году, я уже жила в Ереване у папиной сестры, и тетя на новогодние каникулы отправила меня погостить к маме. Мы сидели за столом, пили чай – мама, ее мать Нина Спиридоновна – я звала ее, в отличие от бабушки Марии Александровны, Бусенькой, сводная сестра мамы, младшая дочь Бусеньки – Леля, старше меня на три года, моя младшая сестра Нина и я. За ширмой спала бабушка Мария Александровна. Приближался час Нового года. Мы, дети, шумели. Бусенька сказала: «Тише, разбудите бабушку», – а в ответ из-за ширмы раздался ровный голос: «Я не сплю». До сих пор мне стыдно за наше невнимание к ней в тот день. Раньше этого не было. Неужели так изменил и нас 1937 год?

▲ Артем и Нина Геурковы и Григорий Арутинов. 1920-е гг.

Мама прожила трудную жизнь своего поколения. Романтическая комсомолка 1920-х годов, вдова в двадцать пять лет, она продолжала быть доброй ко всем всю свою жизнь. Каждый день ездила на автобусе в лесопарк Цодорети, в горах около Тбилиси, где работала агрономом, объясняя уже на восьмом десятке

нежелание уйти на пенсию так: «Если бы ты знала, как там красиво, какой там бескрайний простор вокруг».

Мама была светлым человеком: она никогда не судачила, не обсуждала чьи-то поступки, характеры, много читала – среди нас первая, не боясь режима, в 1970-х годах прочла Солженицына и была счастлива, что наконец хоть кем-то сказана правда. Вспыльчивая и отходчивая, жизнерадостная, талантливая, до конца жизни статная, красивая женщина.

К сожалению, для легкого контакта с мамой уже во взрослом возрасте мне мешали мои детские комплексы. Но в последние годы звонила ей в Тбилиси каждый день, понимая, что он может быть последним. 1 января 1989 года моя дорогая мама умерла в возрасте 79 лет. Произошло это для меня внезапно. Когда прилетела, узнав от сестры о сделанной маме операции, мне не показалось странным, что у трапа меня встречала с машиной заботливая приятельница, член правительства Грузии Виктория Сирадзе, я была очень тронута ее вниманием. Поехали к нам домой. Вошла в комнату, еще ни о чем не подозревая, мама лежала, уже убранный для последнего пути, и только тогда я поняла, что ее больше нет. Прощаясь с ней, механически гладила ее высокий лоб, милое, оставшееся как будто детским лицо, постоянно повторяя: «Бедная девочка, бедная моя девочка».

Мама в юности увлекалась новыми идеями и веяниями. Впереди маячило что-то удивительно интересное. В школе в 20-е годы ученики могли менять сами учителей, была атмосфера «полной свободы», дерзости и ощущение легкости.

К концу 20-х годов привычной маминой семьи уже не стало. Умер дедушка, отец, а ее мать, Нина Спиридоновна, вышла снова замуж и родила дочку. Ничто не сдерживало маминых романтических порывов. Вокруг тоже все было новое и куда-то влекло, влекло... Мама отличалась красотой. Ей было семнадцать лет, когда ее увидел и полюбил один из лидеров грузинского молодежного движения «Спартак» Арташес (Артем) Геурков. Мама вышла за него замуж (как она говорила, «выскочила замуж»).

Тогда считалось мещанством официально оформлять совместную жизнь, надевать кольца и быть по-

хожими тем самым на «буржуев». Мама ходила в кожанке и берете, училась в Тбилисском сельскохозяйственном институте. Специализировалась по «субтропикам», и главным в ее жизни была только работа, даже когда родилась я.

В конце 60-х мой сын увлекался магнитофонными записями песен все еще полулегального поэта Б. Окуджавы, у которого есть песня о комсомолке 20-х годов. Мама гостила у нас в Москве и, услышав слова этой песни «Ах, комсомольская богиня...», неожиданно для нас зарыдала и выбежала из комнаты.

Мой отец Арташес (Артем) Геурков родился в городе Телави в 1901 году. Еще учась в гимназии, вступил в подпольную организацию большевиков, которой руководил преподаватель истории, финн Симумяги, высланный из России за крамольные мысли и дела. Человек он, видимо, был широко образованный. В его «кружке» занимались наиболее способные гимназисты. Симумяги преподавал им литературу, прививал любовь к искусству, к истории и, конечно же, призывал юношей к борьбе за светлое будущее и справедливость, за равенство и братство.

Отец мой жил с братом, сестрой, матерью и бабушкой. Глава семьи, мой дед Григорий Геурков, умер от сердечного приступа, после того как однажды сгорели дотла его типография и дом. Семья после потери кормильца жила на небольшие доходы от виноградника.

Старший брат отца Георгий (Жора) некоторое время учился в профессиональном техникуме и жил в Баку, в семье мужа сестры матери, крупного нефтепромышленника армянина Оганезова. Не знаю, окончил ли Жора учебу, но он вернулся в Телави, где-то работал, поздно завел семью и умер в конце 40-х годов.

Отец в детстве и позже трогательно любил свою младшую сестру Нину. Она была также очень привязана к нему, вышла замуж за его ближайшего друга Гришу Арутинова (по паспорту, но русифицированное окончание не приживалось в Армении, когда он туда переехал, его называли Арутюнян) и осталась на всю жизнь предана памяти брата: постоянно материально помогала моей маме, опекала ее после гибели отца и взяла меня на воспитание. Нина и Гриша фактически удочерили меня. Но об этом позже.

Нами МИКОЯН
(Продолжение следует)

ЗАРЗМА - СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ

Мы собирались в Зарзму. Я вспомнила, что и Михаил Нестеров, приехавший в Абастумани расписывать храм (правда, было это в феврале 1899 года), на следующий же день по прибытии отправился в Зарзму. «Мне передали, что великий князь Георгий Михайлович предлагает мне сейчас ехать с ним в Зарзму. Я быстро собрался, явился во дворец». Великий князь Георгий Михайлович – знаток истории, родившийся в Грузии, интересовавшийся этими местами и хорошо их знавший – был двоюродным дядей цесаревича Георгия Александровича, жившего в Абастумани по состоянию здоровья, и его постоянным спутником в поездках по окрестностям.

Итак, «... были поданы лошади... и через несколько минут мы уже катили по Абастуману».

Нам же подали опель и вскоре мы, поживаясь от утреннего холодка, мягко выезжали из поселка вдоль речки Оцхе, стиснутой скалистыми горами.

Погода была отличная, до Зарзмы рукой подать – что порядка 40 километров – в том же Адигенском районе, что и Абастумани.

И компания была славная: архимандрит отец Максим – настоятель Абастуманского храма, построенного в 1898 году цесаревичем Георгием, «Павлович», душа-человек, всегда готовый возить гостей отца Максима куда угодно, и его маленький внук Илико. (Моя институтская подруга, с которой мы учились в Ленинграде, приехала в Грузию из Мурманска и я повезла ее в Абастумани.)

В Зарзму! - и мы едем в Зарзму. «Когда цесаревич

обходил наш край, – не теряя времени, уже в машине начал свой рассказ священник, – он побывал и в Зарзме. Увидев храм, Георгий Александрович был потрясен его красотой и решил построить такой же в Абастумани, где сам жил. Но точная копия не получилась. Храм Александра Невского по размерам чуть меньше Зарзмы, поэтому его называли «маленькая Зарзма в Абастумани». А так – все похоже. Да вы сами увидите».

Я впервые попала в Зарзму в 1990-х годах. Мы ездили по Месхети и фотографировали культовые сооружения в рамках одного проекта. Объем работы был большой, сроки сжатые, мы торопились «поймать» натуру, погоду и очень спешили. Но в Зарзме вдруг захотелось остановиться. Я почувствовала необыкновенную ауру. Какое-то ощущение концентрированной духовности. Хотелось просто побыть в этой атмосфере спокойствия, гармонии, мира вокруг, который незримо сходил и на твою душу. Уезжала я оттуда с сожалением. Помнится, уходила и все оглядывалась.

А что там было особенного-то? Да ничего. Развалины, полутемная церковь. Ну, вид на Кваблианское ущелье – красивый, да. Да только красот природных у нас в Месхети – на каждом шагу.

Нет, там было нечто особое – намоленность. Выходила я оттуда совершенно замороженной. Возможно, и цесаревич почувствовал это более ста лет назад – современники утверждали: это был тонкой души человек.

Зарзма начиналась в IX веке. В «Житие Серапиона

Зарзмели» (агиографическое сочинение X века) рассказывается, как святому Михаилу Парехели из Кларджети было ночное видение: «отправить в страну Самцхийскую выучеников своих Серапиона и Иоанна», при этом было показано место, на котором они должны были построить монастырь.

После долгих скитаний по горам «какие-то нечестивые люди» остановили их и попытались изгнать. Тогда Серапион показал могущество пославших его сил – совершил чудо: началось землетрясение, скалу прорвало, и хлынула мутная вода, затопив почти все село. «Место то получило соответствующее название Зарзма – от великого страха, объявшего народ».

Найдя место для строительства церкви, Серапион и его брат «заложили основу».

Владыка и хозяин тех мест богатый князь Георгий Чорчанели, встретив монахов, спросил, кто они такие и что делают на его земле?

Серапион ответил ему: «Здесь должен быть монастырь для собирания душ, любящих Бога» и что «такое повеление Божье». Властелин оказался не только богобоязненным, но и щедрым: он пожелал подарить монахам свои угодья. «Пусть завтра, - сказал князь, - с утра до вечера они обходят мое имение и, сколько они сумеют обойти, дарю им...»

▲ Отец Спиридон

С утра монахи начали обходить земли князя, но не успевали к вечеру вернуться. И тут свершилось еще одно чудо: до возвращения в монастырь «солнце стояло на своем месте по слову святого».

По истечении трех лет закончилась постройка церкви, в ней поставили животворящую икону преображения, после стали строить кельи для монахов. Монастырь начал расти, и на пустынном месте появился новый очаг грузинской христианской культуры.

Древнейшая церковь, возведенная зодчим Горбанели в IX столетии, до нас не дошла, сохранились лишь ее руины. На сей день – башенная церковь и несколько молитвенных построек.

Нынешний Зарзмский монастырь построен в начале XIV века, во времена правления князя Бека Мандатуртухцеси. Он состоит из крестовокупольной церкви и большой колокольни. При его строительстве были использованы камни различной расцветки, что усиливает декоративность фасада. Вы еще не подъехали к монастырю, а разноцветные краски фасада уже издали празднично приветствуют вас.

Фрески, которыми украшены стены церкви, также относятся к началу XIV века.

В 1577 году новые владельцы Зарзмы – князя Хурсидзе – сменили часть старой живописи новой, заделали арки на первом этаже звонницы и превратили ее в церковь Иоанна Евангелиста.

Зарзма была одним из очагов грузинского просветительства. Здесь, например, жили и работали видные книжники Герман Зарзмели и Бенедикт Зарзмели. Их труды, к сожалению, утеряны, но по предположению монахов, следы поисков ведут в один из крупнейших музеев мира – лондонский Британский музей. Настоятель монастыря отец Николай полагает, что именно в Великобритании могут находиться рукописи святых отцов.

Месхетинский край, который мы с Ниной объезжали, имеет сложную историю. Она непростая, противоречивая, и отношение к ней такое же. В силу этого там бытует много мифов.

Один из них тот, что здесь жили турки, их в 1944 году выслали, и, мол, правильно сделали. Почти за 70 лет, прошедших после депортации, советская пропагандистская машина сделала свое дело – большинство населения уверено, что их выслали «за дело»: поскольку рядом была турецкая граница, эти турки всячески вредили советской власти. И жителям края была поставлена задача

▲ Мужской монастырь Зарзма. Интерьер церкви

лечь костыми и не пустить ни одного из них обратно. Что и делается. К любому чужому человеку, появляющемуся в крае, относятся с повышенным вниманием и подозрением. И это вызывает сожаление, потому что портится грузинский характер – по природе доверчивый и открытый.

Не раньше как день назад нам на полном серьезе рассказывали, как во время войны здесь появился «один германский шпион» и спросил турков – они против Сталина? Те ответили – да. И тогда, мол, он снабдил их пулеметами и автоматами. А Сталин, как только узнал об этом, велел выслать их в 24 часа.

Ага, именно так... Можете себе представить? Идет война, граница, так сказать, на замке, вся мужская часть крестьян – на войне, сражается с фашистами. И вдруг откуда-то берется некий «германский шпион», подстрекая женщин, детей и стариков свергнуть Сталина каким-то чудом подброшенным в далекий горный край оружием.

Как говорится в одном тбилисском анекдоте: «Где дом, где Кура?» Где Месхети, а где Москва со Сталиным в Кремле?

Миф примитивный, но он работает. И подробности: «Когда нас сюда привезли, в их домах все оставалось». «Что все?» - спросили мы, думая, что речь идет о продуктах, скоте и хозяйстве, которые при высылке людям не разрешалось забрать с собой.

«Автоматы, пулеметы и гранаты», - авторитетно заявляли люди, считающие себя хранителями истории края.

И на этом мифе выросло целое поколение.

Правда, его нам рассказывали те люди, которых тоже привезли сюда насильно – из других частей Грузии – Рачи, Имерети – охранять опустевшие земли. «Да кто нас спрашивал! - горестно сообщали. - Наши дома разбили бульдозерами у нас на глазах, а самих насильно привезли сюда». В руках отца народов люди в СССР были просто пешками.

По поводу того, спонтанным ли было выселение в

1944 году? - только один факт. В июле 1944 года первый секретарь Ахалцихского райкома партии Г.Кирвалидзе направил докладную записку в ЦК Компартии Грузии и Совет Народных Комиссаров Грузинской ССР. В ней он приводил факты искажения в Месхети грузинских фамилий и национальности месхов-мусульман. Кирвалидзе самолично обошел все села Месхети и с удивлением обнаружил, что месхи-мусульмане знают свои грузинские фамилии, но записаны почему-то «азербайджанцами». Секретарь райкома даже прилагает длинный список этих фамилий. Он просит родную партию «принять срочные меры по восстановлению фамилий и национальностей». Ответом был выговор – не твоего ума это дело, а «партийная линия», сиди и молчи. И спрятали эту докладную так далеко, что она была обнаружена в архивах только в 1989 году. А в это время полным ходом идет подготовка к высылке. Берия переписывается со Сталиным, готовятся железнодорожные составы, разрабатываются маршруты и места спецпоселения, выделяются «госсредства на спецоперацию по переселению». И через четыре месяца после докладной секретаря райкома, уже в ноябре 1944 года 125 тысяч мусульман Месхети, под видом «турок», выселяются из Грузии в Среднюю Азию.

Так что все было запланировано, как и все депортации 16 народов СССР. И никакие «германские шпионы» не были тому причиной.

Это хорошо известно тем жителям Месхети, которые счастливы избежали высылки в 1944 году. Как вы догадываетесь, они не были мусульманами. «Они – католики!» – с круглыми глазами говорили о них нам в Абастумани. Неужто это преступление? В их глазах – почти что. Вот уж действительно, как говаривал знакомый ученый: «Все мы – дети очень плохой истории...» Но я бы сказала – просто Истории, которая не бывает плохой или хорошей: история – это то, что происходило.

Однако, в самом деле, вернемся к истории края – до советских времен. Официальный сайт Зарзмского мона-

стыря так повествует о ней:

«Монастыри Юго-Западной Грузии (Самцхе-Саатабаго, Джавахети, Тао-Кларджети-Шавшети) в прошлом являлись мощными очагами грузинской учености. На протяжении веков здесь трудились известные грузинские богословские писатели, переводчики, каллиграфы. В то же время этот край сильно пострадал от иноземных завоевателей. Во второй половине XVIII века он полностью был отторгнут от общегрузинского организма и был подвергнут насильственной исламизации. Почти все епархии прекратили свое существование. В оставшейся без пастырского попечения стране начали проповедовать католические миссионеры. За религиозным смешением последовало этническое смешение. Изменение веры вызвало деление населения на «татаров» (омусульманенных грузин) и «французов» (окатоличенных грузин)».

Вот и прояснение, откуда в крае появились и католики, и мусульмане. Подтверждение этому находится и у царевича Вахушти, описывающего месхов в 1745 году:

«...А мужчины и женщины похожи на картлийцев, но более их тихо и сладко говорящи, статны, энергичны, бесстрашны, прекрасны, знания и искусства любящи, но не теперь, благодаря магометанству; по вере, до 1626 года от Христа ... все были христианами вместе с картлийцами, и составляли паству грузинского католикоса, ныне же мтавары и превосходнейшие суть магометане, а крестьяне – христиане, но в Кларджети и крестьяне большей частью магометане и, кто еще держится христианства, и те остаются без пастыря... и еще продолжают переходить в магометанство, по причине великих притеснений».

В своих «Путевых заметках» (Кавказ. Псковский участок) 1891 года графиня Уварова прямо пишет:

«...Жители всей этой местности (под общим названием Самсхве) исповедуют ныне ислам и принимаются часто за турок, что совершенно ошибочно, так как это чисто грузинское племя, долго остававшееся во владении Турции и принявшее магометанство только с 1626 г.»

Поэтому неудивительно, что и Нестеров в своих мемуарах упоминает Зарзму, как «татарскую деревню». Она, как многие другие села Самцхе-Джавახети, была насильно мусульманизирована.

Однако вернемся к путешествию Нестерова. Итак, они с Георгием Михайловичем – дядей царевича – едут осматривать Зарзму: «По дороге сменялись дивные виды. Великий князь, зная места, пояснял мне их историю, быт и прочее. Часа через два вдали на высокой скале показался великолепный Зарзмский храм. Он стоял среди татарской деревни или аула». Великий князь, оказывается, захватил фотоаппарат (невидаль в то время), и «пожелал снять храм, а также и меня на фоне этого дивного памятника грузинской старины». (Интересно было бы посмотреть сегодня на эти снимки.) А «скоро явились в сопровождении нашего проводника жители аула. Они низкими поклонами и особыми мусульманскими знаками выразили высокому гостю свое уважение, отперли храм».

Исторически все совпадает: Зарзма – православный монастырь (тогда, в 1899 году, действующий и полуразрушенный), а жители – «татары» (омусульманенные грузины).

Нестеров восхищен: «Перед нами предстало чудо не только архитектурное, но и живописное. Храм весь был покрыт фресками. Они сияли, переливались самоцветными камнями, то синими, то розовыми, то янтарными...» Но тут же сокрушается: «Купол провалился, и середина храма была покрыта снегом. Всмотреваясь внимательно, мы заметили, что и

часть фресок уже погибла. Погибла дивная красота... Побродив по останкам бывшего великолепия, мы вышли на воздух и обошли храм кругом. Он ясно вырисовывался теперь своим темно-красным, запекшейся крови, силуэтом на фоне окрестных гор, покрытых снежной пеленой. Он был такой одинокий, забытый, никому не нужный... К вечеру мы были в Абастумане. За обедом Зарзма была главной темой разговоров».

Представляю себе эту трапезу во дворце – за обедом с царскими особами. Сервированный стол сверкает саксонским фарфором и дятьковским хрусталем, слуги разносят изысканные блюда. Звенят бокалы и серебряные приборы. Но не еда главное. Главная тема – Зарзма. Русский художник поражен шедевром древнегрузинского искусства. Возможно, от волнения он размахивает руками и даже нечаянно смахивает серебряную вилку с дубового стола на паркет... Речь гостя – почтительная, но и горячая. Нестеров уверяет царевича в художественной ценности увиденного: «Ваше высочество! Не-

▲ За изготовлением сувениров

обходимо спасти храм от разрушения! Нужно реставрировать это архитектурное чудо, чтобы оно не погибло окончательно».

Представляю и красивое, породистое лицо Георгия Александровича с тонкой улыбкой на бледных губах – в ответ на взволнованный монолог петербургского художника. Царевич почти ничего не ест, только пощипывает хлеб и касается белоснежной салфетки. Он, как любезный хозяин и воспитанный человек, безмолвно слушает гостя. Хотя надо ли убеждать наследника российского престола в красоте Зарзмской церкви? Он давно ее увидел и полюбил. И разве новый храм, который он построил в Абастумани, а Нестерову предстоит расписывать, не является копией Зарзмы?

И все же – страстная убежденность Нестерова в необходимости восстановления Зарзмского храма передается царевичу, и в своем завещании Георгий Александрович выделяет деньги на его реставрацию. Нестеров скромно пишет в своих воспоминаниях: «Она и была произведена на средства наследника уже после его кончины».

А мы, в свою очередь, сегодня низко кланяемся Михаилу Нестерову за это.

Иначе мы не имели бы счастья лицезреть такое чудо, как Зарзмский монастырь.

Зарзма интересовала меня и по другому поводу. В 1990-х годах я вплотную занималась изучением фамилий

▲ Руины церкви X века. Зарзма

депортированных месхов. Исследуя архивные документы царских переписей всех 180 сел Месхети с мусульманским населением, мне удалось выявить, что в XIX веке там бытовало более тысячи грузинских фамилий. Потом работа эта увидела свет в виде брошюры и мгновенно разошлась.

В ссылке у месхов зачастую отбирали грузинские фамилии. И в поисках своих корней многие приезжали в Грузию. Ко мне как-то обратился уроженец Зарзмы. Пожилой человек утверждал, что у них была грузинская фамилия, но в ссылке их силой записали Дурсуновыми, и фамилия таким образом была утеряна.

Когда их высылали из Зарзмы, ему было всего 10 лет, он помнит, что меж собой их род называли «Мани». Что могло это означать? Он пожимает плечами.

Трудная была задача, никакой зацепки – как звали деда, прадеда... Кого искать в переписях? Некого «Мани»? Там и в помине подобного не было.

Может, он помнит какое-нибудь семейное предание? «А как же! - оживляется Дурсунов, - конечно помню!» И произносит торжественно: «Наши предки имели миссию». «И какую же?» - иронично поинтересовалась я. «Только наш род имел исключительное право охранять Зарзмский монастырь и осуществлять уход за ним».

«Как это? - недоверчиво спросила я. - Мусульмане охраняли христианский храм?»

«Да, представьте себе. Это шло с тех пор, когда наши предки были еще христианами. Ведь мусульманство мы приняли только в XVI веке, а ключи от монастыря хранились в нашем роду всегда и передавались от поколения к поколению. Наша семья ежедневно приводила в порядок двор, церковь, колокольню. Я до сих пор помню этот ключ – тяжелый такой, мне, ребенку, иногда доверяли его подержать...» Он вздохнул и добавил: «А когда в 44-м году нас выселяли, дед взял этот ключ со слезами на глазах и отнес в сельсовет. Что, мол, наш род несколько веков ухаживал за монастырем, а теперь нас выселяют, и мы не сможем выполнять свою миссию. Поэтому я сдаю советской власти этот ключ. Еще просил расписку дать. В сельсовете ничего не поняли – что за миссия, что за ключ? Ключ забрали, а деду сказали – иди-иди, какая еще тебе расписка...»

Это была удивительная история.

Еще не совсем поверив в ее реальность, я все же

взялась за поиски. Надо помнить, что Нестеров в своих воспоминаниях о поездке в Зарзму (в 1899 году) пишет, что жители аула, открывшие им храм, были мусульмане. Значит, у кого-то из жителей действительно хранился этот ключ. Вопрос – у кого?

Поиски вновь привели к «Путевым заметкам» 1891 года графини Уваровой. Рассказывая о Зарзме, графиня отмечает: «Церковь сохраняется и оберегается ныне местным жителем, татаринем Османом Ибрагимовым». Итак, человек найден! Идем дальше, в глубь века.

Камеральные списки 1873 года Тифлисской губернии Ахалцихского уезда. Они сообщают, что в селе Зарзма за номером 2 числится некий Осман Ибрагим оглы 45 лет. Он самый! Еще одно подтверждение! Важно еще то, что этот Осман, оказывается – «полесовщик и караул Зарзмского монастыря». Кажется, пазл складывается. Но самое интересное ждало меня в переписях 1886 года. Во-первых, из них выяснилось, что в селе Зарзма жили «грузины-мусульмане», а не «татары». И у всех жителей Зарзмы были грузинские фамилии! Значит, она должна быть и у нашего караула.

Я принялась искать в списках уже знакомого Османа Ибрагимова. И нашла его! В переписи под номером 4 был Осман Ибрагим оглы 58 лет. И возраст подтверждается: 13 лет назад по переписи 1873 года ему было 45 лет, именно на 13 лет меньше. А самое главное: он носил знатную грузинскую фамилию Турманидзе! Вот так вот иногда благополучно завершаются научные поиски. Радость была отменная... Оттого, что все сошлось, и история оказалась абсолютно достоверной.

Меня, правда, немного смущало прозвание рода – «Мани». Хотя, поразмыслив, я пришла к выводу, что «мани» - это, скорее всего, часть их утерянной фамилии Турманидзе, то, что осталось в памяти поколения.

Таким образом, можно утверждать уже документально: в самом деле, караулом Зарзмского монастыря на протяжении веков была грузинская династия месхов по фамилии Турманидзе.

Жаль, конечно, что сейчас она разбросана по свету и не может выполнять свою высокую миссию – охранять Божий храм.

Итак, мы ехали в Зарзму. И как обещание счастья возникли в далекой дымке очертания храма. Волнение нарастало по мере приближения к нему.

Не успели мы подъехать и войти на ухоженный монастырский двор, как оказались во власти высокого молодого монаха. Он смотрел на нас смеющимися глазами. Было впечатление будто внутри у него ярко горела веселая свечка. Через минуту он рассказывал нам историю монастыря на чистейшем русском языке. По ходу кто-то из монахов окликнул его и он, обернувшись, гортанно ответил по-грузински, давая какие-то хозяйственные поручения.

Контраст был разительный. «Так вы грузин или русский?» - несмело спросили мы, не зная, какие вопросы можно задавать монахам. Он улыбнулся: «По отцу я русский, а мама – грузинка. В миру меня звали Владимир Смирнов (так, кажется). А сейчас я отец Спиридон». И он засмеялся. Так смеются счастливые люди – просто, от ощущения радости жизни. Я решила, что он вроде завхоза и спросила: «А кем вы в монастыре...» - и запнулась. «Кем работаю?» - подхватил отец Спиридон. И вновь засмеялся, сверкнув белоснежной улыбкой из вьющейся бороды. «Мы в монастыре живем, а не работаем, – уже серьезно, но так же доброжелательно и мягко улыбаясь, ответил отец Спиридон. - Монастырь – наш дом. И жизнь монаха – молитва, труд и послушание. А работаю я – добровольно – в сельской школе: преподаю детям русский язык. Наши братья учат в школе детей математике, информатике и английскому».

Такие вот продвинутые монахи.

Дух старины по-прежнему витал над Зарзмой. «Первая церковь была построена в монастыре в девятом столетии, это ее руины. – Отец Спиридон с любовью погладил шершавые камни в центре зеленой лужайки. - А этот каменный крест стоит здесь с одиннадцатого века».

Он рассказал нам о Серапионе Зарзмели, (остановившем солнце), обратил внимание на икону X века, найденную при реставрации. Среди фресок XIV века, которые покрывали стены церкви с пола до потолка, мы увидели росписи правителей Самцхе князей Джакели. В маленькой пещере хранятся кости монахов, которые тут жили и были погребены. Отец Спиридон показал нам нетленное тело древнего монаха, обнаруженное в Ацкури и переданное монастырю. К нему прихожане приходят поклониться, считая его чудодейственным. Затем мы прошли в ювелирную мастерскую, и увидели превосходные изделия в технике перегородчатой эмали, сделанные руками отцов. Показали нам и как в монастыре производят свой ладан. Еще трудолюбивые отшельники сажают картошку, овощи, пекут хлеб, держат пчелиные улья.

Тут маленький Илико потянул за рукав и шепотом попросился в туалет. Я взяла его за руку и вышла на монастырский двор, который гудел от пчелиного жужжания. «Не бойтесь, они не ужалят», - застенчиво улыбаясь, сказал молоденький монах, указывая дорогу. По двору деловито носились братья в черных рясах. Они как-то умудрялись не поднимать головы и держали глаза долу. Лица у всех были иконописными. Монастырский туалет напомнил мне женевский отель своей чистотой.

На дворе под резной каменной аркадой за столиками сидели молодые монахи и занимались послушанием. Один из них – с римским профилем и рыжеватой вьющейся бородой – наклеивал вырезанные иконки на каменные булыжники. Потом кисточкой тщательно разрисовывал узоры, покрывал черным лаком и ставил готовые сувениры на каменный выступ сушиться.

Другой – в черной шапочке, надвинутой на густые брови, улыбался и, не поднимая глаз, накатывал восковую оболочку на суровые нитки. Крутанул раз – и вот уже это восковая свечка. Рядом с ним лежала горка готовых свечек.

Вскоре нас пригласили в просторную комнату с камином, где отец Максим беседовал с настоятелем монастыря отцом Николаем, у которого было вдумчивое лицо молодого профессора. Им, наверно, было о чем беседовать, двум настоятелям мужских монастырей: вместе они преподавали в Ахалцхской духовной семинарии им. Григория Хандзели при Сафарском монастыре. Мы видели, как неохотно оторвались святые отцы от разговора и настроились на любезный тон гостеприимных хозяев. Столик перед камином моментально был покрыт белоснежной скатертью, и тут же появились свежий пышный хлеб, янтарный мед в глубоких мисках, ароматный чай из родниковой воды. Отказаться от таких яств было невозможно, и мы просто стали уплетать монастырское угощение. Затейливым ручейком потекла беседа, - на разные темы. Братья сидели на почтительном расстоянии и молча внимали нашему разговору.

В конце я отважилась попросить братьев спеть для нас. Помнится, в прошлый приезд не удалось послушать их знаменитое многоголосие – сказали, что второй голос их ансамбля уехал в Ахалцху за продуктами. А сейчас как? Они засмеялись: нет-нет, отец Андрия здесь. Клик-

▲ Отец Спиридон, Нина, Илико и Клара у креста XI века

нули братьев, они с готовностью прошли с нами в полутемную церковь, освещенную дрожащими огонечками свечей. Потоптались, взглянули на потолок в поисках нужной акустической точки, и запели...

Как только под сводом церкви зазвучали их мощные чистые голоса, тут же мороз пробежал по коже и на глаза навернулись слезы. Когда прозвучала последняя звенящая нота, мы узнали, что эту песню написал Патриарх Грузии Илия Второй.

Выходя, мы вытирали слезы, а отец Максим сказал с улыбкой: вижу, вижу, значит, понравилось...

Смеркалось. Пора было уезжать, но мы оттягивали этот момент: подошли к ограде и еще раз полюбовались зовущим вдаль ущельем, в котором серебряной нитью вилась река Кваблиани. Вокруг веяло тишиной и абсолютным спокойствием.

Мы получили от отцов целую охапку подарков: иконки, диски с песнопениями, календари и милые поделки, сработанные вручную.

Братья вышли с нами к машине, сердечно попрощались, долго махали вслед. Опель мягко тронулся. Мы молчали. Было грустно и радостно – будто мы прикоснулись к чему-то высшему и светлому.

Клара БАРАТАШВИЛИ

▲ Георгий Кухалашвили

ОБГОНЯЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Чтобы попасть к нему в гости, нужно идти по Серебряной улице, у дома номер 48 свернуть налево, открыть кованую калитку и по старым скрипучим лестницам подняться на второй этаж. Светло-бирюзовый резной балкон – настоящий тбилисский – словно предвосхищает ожидания. Еще шаг, и я в мастерской художника.

Именно так, пожалуй, и должна выглядеть мастерская художника. Запах, свет, звук, атмосфера, настроение. И везде картины, картины в рамках и рамки без картин.

Я очутилась в этой мастерской осенним субботним утром. Георгий Кухалашвили, напевая себе под нос, хлопчет с чайной заваркой, подогревает румяный хачапури, ставит на стол тарелку с лимоном и яблоками. Наверно, он сначала их нарисует, а потом съест, ду-маю я.

На стенах много портретов. Разные лица смотрят со стен. Здесь много старинных вещей, которым он знает цену. Он вообще молод годами и умудрен душой. У Георгия умный, пронзительный взгляд. У него классические грузинские черты и такое же воспитание. Есть в нем что-то пронзительное, такое же как в этом октябрьском утре.

Георгий Кухалашвили называет себя современным художником. И поясняет, что настоящих художников сейчас в мире совсем немного. Он считает, что арт-течения и всяческие «измы» – инсталляции, перфор-

мансы – это хорошие шоу. Но они, как правило, ничего не дают.

«Я не могу назвать это живописью, скорее в этом есть что-то театральное. Все нужно называть своими именами. Я делаю свое дело, служу станковой живописи, и основываясь на традиционном искусстве, создаю искусство современное».

И пусть говорят, что это старая форма, что это уже было. Новое для Георгия – это, как он говорит, интим. Неповторимость. Настолько личное и трудно переживаемое, что он переходит на шепот, рассказывая об этом.

Он в хорошем смысле традиционалист. Искусство невозможно без традиций. Ничего не появляется из ничего. Без базы, базы классической, не создается современное, ведь художнику необходимо чувствовать пульс своей эпохи.

«Застрывать в XVI или XVIII веке недопустимо. Представьте, если я сейчас начну рисовать, как Рембрандт. Во-первых, у меня не получится. Старинные школы потеряны. Все, что я делаю, постигается интуи-

тивно, например, техника грунтовки. И нет никакой необходимости повторять то что было. Живопись прошла огромный путь со времен классической школы, сильно изменилась и обогатилась. Художник сегодня должен вместе с тем, старым, внести в искусство нечто новое, эпохальное, что будет перекликаться с нашим днем».

У художника Джемала Кухалашвили пятеро сыновей. Отар – искусствовед, Лаша и Георгий – живописцы, Бека – дизайнер, Каха – скульптор.

Первое воспоминание: маленькому Георгию три года, он сидит на коленях у отца, рисующего и одновременно рассказывающего ему сказку о цветах.

«Я рисую с детства. Первая выставка у меня прошла еще в школе. В школьном коридоре развесили мои рисунки. Первые поздравления, восторг педагогов и одноклассников, первый успех – все это очень вскружило голову, стало большим праздником», - вспоминает Георгий.

Потом начался традиционный путь – поступление в училище им. Я.Николадзе и Академия художеств. Георгий учился в мастерской Автандила Попиашвили. Своими педагогами он называет также Гию Гугушвили и Тамаза Шатиришвили, ученика самого Серго Кобуладзе, научившего его главному – грамотной технике.

Впрочем, все это относительно. Научить рисованию невозможно. Великий Леонардо говорил, что может научить рисовать обезьяну, но она от этого не станет художником. Домашние – его главные критики. В остальном же все зависит от того, кто оценивает его работы. Если профессионалы – то можно и прислушаться, а если так, просто, то и принимать близко к сердцу не стоит.

Талант Георгий называет внутренней поэзией, которая выливается на холст.

Георгий показывает мне одну из этапных своих работ под названием «Рождественская мистерия». В ней чувствуется влияние классических мастеров. Почти Рембрандт. Но это работа отличника училища, еще не художника. И сразу же Георгий показывает одну из последних работ, над которой он работал семь лет. Перемены очевидны.

«В живописи есть один очень сложный момент. Например, когда ты пишешь стих и что-то в нем меняешь, ты можешь сохранить все варианты, их можно сравнивать. В живописи это невозможно. Если ты что-то стер с холста, это безвозвратно. Композиционная гармония требует многих изменений».

И тут я спрашиваю Георгия о музыке, которую он любит слушать. Он встает, ставит на подрамник картину, на которую я сразу обратила внимание и включает Баха. «Agnus dei». «Агнец Божий», искупающий грехи. Музыка свекольного цвета заливает полотно. Над ним Георгий работал пять лет. И получилось оно продуманное, прочувствованное, выстраданное.

В его творчестве непривычно много картин на религиозную тематику.

«Никто не знает, откуда это приходит. Вообще, есть работа сделанная и работа рожденная. Все серьезные работы рождаются. Например, я вышел на пленэр, профессионально поработал, сделал этот пейзаж. Это моя высота, уровень мастерства, то, что я могу делать хоть каждый день. Но когда я рисую что-то пришедшее сверху, это совсем другое. Я даже удивляюсь иногда, я ли это нарисовал?»

Георгий Кухалашвили придерживается мнения, что у художника, как и у любого человека искусства, должна быть четкая гражданская позиция. Жизнь

мастера в чем-то похожа на жизнь отшельника, закрытого в своем мире. Но когда дело касается жизни общества, он должен принимать в ней живое участие. Невозможно быть оторванным от окружающей среды. Без собственного мнения, видения невозможно нести то новое, что и полагается делать творцу. Например, у Георгия есть картина, которая называется «Стертое представление». В ней показано отношение к войне, к социальным потрясениям последних десятилетий.

Свою позицию Георгий и его друзья-единомышленники выразили очень просто – два года назад создали неправительственную организацию «Язык искусства». В ней объединены 25 молодых грузинских художников, для которых организация своими силами устраивает выставки. Создание собственного НПО стало для Георгия логическим продолжением той атмосферы, в которой он рос. В гости к отцу постоянно приходили не только художники, но и литераторы, музыканты, творческие люди, которые часто обсуждали самые насущные темы.

▲ Икона святого Ильи Праведного

А вот с рынком ситуация довольно сложная. Георгий считает, что за последние годы в Грузии восприятие искусства как-то утеряно. События последнего времени, социальные потрясения. Не до искусства стало. Есть несколько коллекционеров, которых можно пересчитать по пальцам, но они не могут создать рынка. Зато творческая обстановка у нас необыкновенная.

Он считает себя вполне счастливым человеком. Каждый день в мастерской, рисует, думает, читает Рудольфа Штайнера, слушает музыку.

«Искусство – это поиск окончательной, устойчивой формы бесконечности. Я стремлюсь этот бесконечный мир заключить в свои рамки, придать ему форму», - таково его творческое кредо.

В конце ноября в рамках организуемого МКПС «Русский клуб» научно-культурного форума «Дни Ильи

▲ Отец и сыновья Кухалашвили

Чавчавадзе в Санкт-Петербурге» в городе на Неве пройдет персональная выставка Георгия Кухалашвили. Будет представлено более сорока его работ. К выставке он готовится тщательно – продумывает, взвешивает, отбирает.

Персональная выставка для любого художника, в первую очередь, это возможность познать самого себя.

«В мастерской карины лежат вместе, прислонены к стене. Я не могу полностью их разглядеть. А выставка дает возможность себя самого оценить. И конечно, для меня важно мнение общественности. Когда ты выносишь свой внутренний мир на суд зрителя, тебе не может быть не важен этот самый суд. Можно ведь своим творчеством разрушить внутренний мир человека, отравить его душу. Я буду рад, если мои работы если не восхитят, то хотя бы заставят задуматься».

Чего лукавить, Георгий волнуется. Это и понятно – первая персональная выставка вне родных стен. К тому же он все делает сам по себе, не рисует на заказ. От этого ответственности только прибавляется.

А еще специально для «Дней Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге» Георгий нарисовал икону святого Ильи Праведного. Она выполнена темперой на доске двухсотлетней давности, с использованием специальной грунтовки. Как признается Георгий, для него это первый опыт в иконописи.

Больше всего Георгий любит рисовать портреты, стремясь как можно лучше передать внутренний мир человека. Но вот результатом модели бывают довольны не всегда. «Если вы добиваетесь полного сходства, лучше снять полароид. Никто не будет в обиде», - с улыбкой советует Георгий.

«Нельзя требовать от всех поднимать по 100 кило-

граммов. Кто-то может поднять 50, а кто-то меньше. Я очень рад, что есть художники в моем поколении, которые фанатично любят свое дело». Хотя, конечно, есть и те, которых Гете называл «дилетантами» и «спекулянтами». Подобные им всегда будут около искусства.

А молодым художникам он советует вооружиться тонкими кистями и большой силой воли. Ведь, как сказал Сальвадор Дали в своих «10 заповедях художника» - «Художник, рисуй!» Начинающие художники, в поисках оригинальности и самоутверждения совершают тысячи ошибок. А нужны всего-то верность делу и любовь, и однажды все обязательно получится.

Знакомство Георгия с «Русским клубом» началось еще весной 2010 года, когда он стал победителем конкурса, прошедшего в рамках «Дней Льва Толстого в Грузии». Георгий рассказывает, что узнал о конкурсе довольно поздно, всего за две недели до завершения его срока.

«К тому времени у меня на полотне уже были какие-то наброски. Я даже не знал, что у меня выйдет в конечном итоге. А когда узнал о конкурсе, перечитал биографию писателя и нарисовал своего Толстого».

Действие происходит на том самом бирюзовом балконе, Лев Николаевич сидит в кресле и угощается чаем. А к нему выходит Муза с маленькой птичкой на руке.

А вот «Зима» - заснеженный уголок старого Тбилиси, грустный и в то же время умиротворяющий.

Он верит в то, что у каждого человека есть свое предназначение. Платон, говоря о «мире идей», писал, что мы все, находясь в мире идей, чем-то восхищаемся настолько, что привносим эту идею с собой в мир...

Мы разговариваем тихо, пьем чай и слушаем Баха.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

ПРИХОДИ И ПРИВОДИ ДРУЗЕЙ

Благотворительную акцию для студентов Тбилисского государственного университета имени Ив.Джавахишвили провел Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб». Сто студентов из различных вузов столицы были приглашены в Тбилисский государственный драматический театр имени А.С. Грибоедова.

Будущие юристы, социологи, филологи и экономисты смотрели Достоевского. «Кроткая» в постановке художественного руководителя театра Автандила Варсимашвили идет на сцене театра уже не первый год и пользуется заслуженной любовью зрителя. В роли Кроткой – Инна Воробьева, Ростовщика – Валерий Харютченко.

Сюжет известный – от безденежья девушка выходит замуж за человека, которого она не только не любит, но даже презирает его и род занятий. Кроткая пытается взбунтоваться против такой жизни и против своего мужа, которого она намерена убить, чтобы прекратить человеческие мучения: не только свои, но и тех людей, которые зависимы от него тем, что закладывают свое последнее имущество за копейки под большой процент. Эти мучения проявлялись не в ссорах, а в постоянном молчании. Интересна также история главного героя: он был отставным штабс-капитаном. На службе, как и везде, его не любили, а поводом к его отставке стала случайность. После этого он вел бедную бродяжью жизнь, пока не умерла его родственница, оставившая ему три тысячи рублей. После этого он стал ростовщиком, мечтая при этом накопить достаточную сумму и начать новую жизнь. Но это, увы, невозможно. Кроткая может любить по-честному: если любить, то всецело и преданно, или не любить совсем. Она не хочет обманывать мужа полуллюбовью и идет на самоубийство.

Зал полон. Какие они, сегодняшние студенты, что их волнует, о чем они мечтают? По завершении спектакля удалось задать несколько вопросов. Впечатления довольно неоднозначные. Кому-то очень понравилось, кому-то не хватало хеппи-энда. Хотя, все они – читающие, думающие, ожидающие. И это не может не радовать. Радует и то, что многие пришли в Грибоедовский не впервые.

Ника Накаидзе, Тбилисский государственный университет им. Ив.Джавахишвили, факультет социально-политических наук: «Весной смотрел «Холстомера» в

постановке Автандила Варсимашвили. Был в восторге. Сказать по правде, от сегодняшнего спектакля ожидал больше эмоций. В книге, которую я специально прочел, накал страстей сильнее. Студенты в роли зрителей готовы к любым темам, но больше всего, думаю, нужно говорить с ними об общечеловеческих ценностях – об ответственности, достоинстве, любви. Студенты, молодежь – более чуткие. Поэтому нужен особый подход, креативность, новизна, современные трактовки.

Георгий Метревели, Грузино-американский университет, факультет правоведения: «В театре Грибоедова я впервые. Достоевского не читал. Немного сложно было воспринимать русский текст, но все по смыслу было понятно. Спектакль о том, что люди должны любить друг друга. С удовольствием приду в ваш театр еще раз».

Софо Беридзе, Грузинский университет, факультет правоведения: «Я вышла после спектакля в дурном настроении, он слишком психологичный. Я не согласна с трактовкой режиссера. Не думаю, что между главными героями была любовь. Вопрос, который звучит в финале – «Кто дал право любить?», он странный. Мне кажется, спектакль должен был закончиться по-другому. Хотя игра актеров мне понравилась. Уверена, что стану постоянной зрительницей вашего театра».

Саломе Каджая, Тбилисский государственный университет им. Ив.Джавахишвили, факультет социально-политических наук: «В целом мои ожидания от спектакля оправдались. Я помню, что меня водили в театр Грибоедова в детстве, и это очень светлые воспоминания. Больше всего в спектакле мне понравилось противопоставление цены и ценности. Сегодня, когда весь мир переключился на накопление капитала и собственно благополучие, есть понятия, которые гораздо важнее. То, что не имеет цены, но имеет большую ценность. Я думаю, что акция «Русского клуба» очень нужная. С удовольствием приду сюда еще».

Итак, спектакль завершился, свет погас. И тишина. И только спустя какое-то время, когда артисты вышли на поклон, зал взорвался аплодисментами. Одним словом, акция под условным названием «Приходи в театр и приводи друзей» прошла успешно. Будем надеяться, что продолжение последует.

Нино ДЖАВАХЕЛИ

▲ Мария Гринберг

«БЕЗ ЭЛИЧКИ НЕ МЫСЛЮ СЕБЯ В ТБИЛИСИ»

Творчество Елены Ахвледзиани представляет национальное культурное наследие. Для многих искренних друзей Грузии сама Елена Дмитриевна была символом Тбилиси, популярного художественного города, названного в начале прошлого века «культурным оазисом», «фантастическим городом».

Естественно, такие ощущения просто так не рождаются: их создают единство творческих мышлений, сходство художественного вкуса и, наконец, настоящие дружеские отношения. Свидетельство прочности таких обоюдных почитаний талантов – тот факт, что творчество многих выдающихся деятелей искусства Советского Союза было невозможно полностью без Грузии.

Именно с этого ракурса хочется поделиться воспоминаниями о вечере 24-летней давности.

Осенью 1988 года афиша у входа в дом №12 на улице Киачели (ныне дом-музей Елены Ахвледзиани) сообщила, что под рубрикой «Любимые музыканты и друзья Е.Д.Ахвледзиани» состоится вечер, посвященный 80-летию Марии Гринберг. Лекцию читал прибывший из России доцент Айзик Ингер, который годом раньше выпустил книгу о выдающейся пианистке.

Книга (Москва, «Советский композитор») состоит из сборника статей, воспоминаний, писем, интервью. И чтобы создать всеобъемлющий образ «таланта огромной силы» и яркой личности, не обошлось без Грузии. В фотоматериалах выделяется один живописный портрет, который был написан в 1952 году известной грузинской художницей-портретистом Кетеван Магалашвили.

В сборник включены воспоминания выдающихся музыкантов Грузии (Э.Вирсаладзе, П.Хучуа, О.Димитриади) и переписка с Еленой Ахвледзиани. Во вступительной статье автор особую благодарность приносит конкретным лицам и в том числе сотруднику дома-музея Е.Д.Ахвледзиани в Тбилиси Э.Топуридзе, предоставившим в его распоряжение ряд материалов,

использованных в разделе писем, а также при составлении хронологии и именного указателя.

Коротко об авторе: известный литератор, читал курс английской литературы в разных вузах России, в течение многих лет до самой смерти М.Гринберг был ее близким другом, ценителем исполнительского мастерства, описавшим творческий путь пианистки. Именно потому осенью 1988 года А.Ингер был приглашен в Грузию на традиционный музыкальный фестиваль, проводившийся в Телави, где он выступил с двумя лекциями о творчестве М.Гринберг.

По его просьбе и непосредственной инициативе юбилейный вечер, посвященный 80-летию пианистки, состоялся в Тбилиси, в том самом доме, где на протяжении многих лет успешно выступала она перед грузинской публикой, которая искренно любила и ждала ее. И на этот раз многолюдно было в доме-музее художницы. Работники приурочили к юбилею специальную тематическую экспозицию, отображающую творческие успехи Марии Гринберг, тесные дружеские контакты с Еленой Ахвледзиани и Грузией, эпистолярное наследие из архива музея.

На юбилейный вечер были приглашены почитатели таланта пианистки, любители музыки, друзья, кто пожелал еще раз вспомнить двух больших артистов, еще раз услышать и увидеть проявление талантов на легко узнаваемых ахвледзиановских картинах и на записях М.Гринберг, специально подобранных Айзиком Ингером для грузинской аудитории. Работники дома-музея Елена (Лели) Ахвледзиани (племянница художницы), хранитель фондов Этери Топуридзе сделали все, чтобы воссоздать атмосферу прошедших прекрасных вечеров, и им это удалось. В своем амплуа интеллектуально-художественного рассказчика несравненным был ведущий вечера Айзик Ингер. Мне посчастливилось участвовать в этом незабываемом «артистериуме» и по просьбе дирекции музея написать статью.

И превратился этот вечер в праздник истинного ис-

кусства и дружбы.

Все началось с первого приезда Марии Гринберг в Грузию весной 1944 года. Музыковед Павле Хучуа вспоминает, что после первого выступления «ее ждали с нетерпением. О предполагаемых программах часто знали заранее, еще до появления афиш, от ее друзей. Среди них в первую очередь надо назвать народных художниц Грузии Елену Ахвледиани и Кето Магалашвили. Ей дарили корзины цветов, которые составляла по своему вкусу сама Елена Дмитриевна. Авторитет этих художников и других поклонников таланта Марии Гринберг из числа музыкантов, профессоров консерватории был очень высок среди тбилисской интеллигенции. Это определяло общую атмосферу восхищения, которой была окружена у нас Мария Израилевна. И пианистка, мы можем сказать это с уверенностью, питала ответную любовь к Грузии – к ее природе, искусству, старине, людям. Она охотно откликнулась на приглашения, бывала на вечерах и встречах.

Душой таких встреч чаще всего была Елена Дмитриевна Ахвледиани, Эличка, человек бесконечно обаятельный, талантливый, необычайно колоритный в своей раскованности и какой-то бесшабашности, подчас пристрастный, никогда ни к чему и ни к кому не подлаживавшийся, прямой и даже резкий в своих суждениях, а главное – необычайно тонкий в понимании искусства. Этим объясняется любовь к Марии Гринберг. Елена Дмитриевна в своем преклонении перед искусством пианистки увлекла лучшую часть грузинской интеллигенции, бескорыстно преданную подлинному и глубокому в искусстве. Эличка дарила Марии Израилевне свои пейзажи старого Тбилиси. Та бережно хранила эти картины и всегда дорожила дружбой с Еленой Ахвледиани.

«Дорогая Эличка. Поздравляю с Новым годом и еще раз благодарю за замечательную картину, которая все больше и больше нравится... надеюсь, встретимся в феврале. Целую Муся».

Часть писем, хранившихся в личных архивах Е.Ахвледиани и М.Гринберг, были опубликованы в книге А.Ингера. В этих письмах подруги разделяют радость и боль. А еще в них Елена Ахвледиани предстает перед нами в новом амплуа. Оказывается, она блестяще владела искусством импрессарио. 4 февраля 1948 года она пишет: «... сегодня Генрих (Нейгауз) улетел и стало очень пусто. Много играл здесь (в доме Е.Ахвледиани), в консерватории больше..., на закрытых концертах, но было много посторонней публики... (обратите внимание: она будто ревнует ко всем остальным, «посторонним» т.е. незнакомым людям, не принадлежавшим к артистической среде. Мы вправе допустить и другой вариант: так как время действия совпадает со временем усиленной борьбы Коммунистической партии Советского Союза против «формализма в искусстве». Но это уже тема для другого разговора – Л.Б.), ... играл в Доме писателей, у нас в клубе художников... Когда Вы приедете, сыграете для художников? Мне уже влетело от товарищей: «У тебя жила такая пианистка, не могла упрямить сыграть у нас? - говорили они мне, но я, откровенно говоря, не решалась Вас просить: а вдруг Вы ответили бы коротко и спокойно: «Нет, не хочу»? - так я же сдохла бы на месте...»

Из этого, скажем так, эмоционально-дипломатического письма следует единственный, достигший цели результат: пианистка ни разу не сказала «нет, не хочу» на предложенный Еленой Ахвледиани концерт.

Думаю, с этой точки зрения о многом говорит фрагмент из письма, датированного декабром 1951 года. «Дорогая Эличка. С Новым годом!.. Я только вернулась из поездки и, поразмыслив хорошенько, думаю,

что смогу приехать к Вам в первой половине апреля. В январе и феврале играю в Москве и поэтому надолго уезжать не могу; в марте – тоже в Москве и в Ленинграде, а также на Урале. Значит, апрель. Причем 25-го должна быть в Москве – Никин день рождения. Поговорите в таком плане с Гвинчидзе (музыкальный администратор – Л.Б.), причем передайте ему, что нужно сделать не менее 3-4 концерта... Эличка, ответ Гвинчидзе сообщите мне... ну, надеюсь, что из наших переговоров выйдет что-нибудь».

Из этих почти «легитимных переговоров», которые, кстати, я рассматриваю как классический пример народной дипломатии, на самом деле вышло все. Получилось!

В результате, Мария Гринберг часто приезжала в Тбилиси. Здесь ее с нетерпением ждала большая аудитория музыкантов. Однако... каждый раз, действительными переговорами с целью уточнения концертных программ, даты прибытия и длительности пребывания занималась никто иная как Эличка. И это не случайно...

Из переписки с выдающимися музыкантами современности С.Рихтером, Г.Нейгаузом, М.Гринберг выясняется, что Елена Ахвледиани смело участвует в оценках исполнительского мастерства музыкантов и в курсе всех музыкальных событий. Вот почему выдающиеся музыканты с таким же удовольствием делятся с ней впечатлениями, с удовольствием проводят концерты в ее квартире-мастерской, которую воспринимают маленькой «моделью Грузии».

Самым впечатляющим мне представляется тот факт, что именно в этом для многих необычном и тем не менее типично грузинском доме обнаружили друг друга россияне. Певица Нина Дорлиак, супруга Святослава Рихтера, вспоминает: «Мы вновь очень сблизилась с Марией Израилевной в конце войны. Мы с матерью эвакуировались на Кавказ, в Тбилиси, где у нас и у приезжавшего туда в то время Святослава Теофиловича Рихтера появилось много друзей, людей ду-

▼ Кетеван Магалашвили и Елена Ахвледиани

▲ В доме-музее Елены Ахвледяни

шевно щедрых, добрых, сердечных, Елена Дмитриевна Ахвледяни, семья Куфтиных, Кето Магалашвили... В 1944 году туда впервые на гастроли приехала Мария Израилевна, которую там очень полюбили».

О многом говорит тот факт, что это воспоминание включено в книгу, посвященную М.Гринберг, а не Е.Ахвледяни. Здесь же Нина Дорлиак описывает один незабываемый день в их отношениях, и на этот раз в этом эпизоде главную роль играет Е.Ахвледяни: «Зимой 1946 года Елена Дмитриевна приехала в Москву и, желая как-то утешить меня после маминей смерти, решила по случаю моих именин устроить мне сюрприз. А надо сказать, что она была невероятная фантазерка и горазда на выдумку. Мы жили тогда на Арбате, в двух крохотных комнатах, и Муся часто к нам приходила. И вот в мое отсутствие они буквально перевернули все в доме вверх ногами. Весь потолок заклеили серебряными звездами. Даже на лестнице и то умудрились что-то приколотить. Когда я пришла домой и все это увидела, от ужаса я даже заплакала. Но это было прекрасно. Мы от души веселились и танцевали. И Муся играла со Славой в четыре руки. Она была тогда очень веселая. Потом я, пожалуй, никогда больше ее такой не видела».

Да, Елена Ахвледяни своим талантом, очень своеобразной артистической натурой и глубокой человечностью вокруг себя создала нерушимый круг друзей без всяких границ. К нему присоединялись яркие личности, которые хоть раз побывали в Грузии.

Из воспоминаний известного дирижера Одиссея Дмитриади о М.Гринберг: «Мы встречались с Марией Израилевной и помимо концертной эстрады, большей частью в Тбилиси (где я работал на протяжении многих лет), на симпатичных домашних вечерах у Елены Дмитриевны Ахвледяни. Там часто можно было встретить Г.Г.Нейгауза, С.Рихтера, Н.Дорлиак, известных художников К.Магалашвили, В.Шухаева... Незабываема дружеская непринужденность, веселье и в то же время творческая возвышенная атмосфера этих

вечеров. Участие в них Марии Израилевны вносило свою прелесть. Кроме того, что она была внешне очень привлекательна, она была прекрасным собеседником и с непринужденностью принимала участие в общем веселье...»

Елена Ахвледяни была незаменимой хозяйкой не только своего дома, но и своего любимого города и поэтому убедительно и грустно звучит ответ Марии Гринберг на любезное приглашение Одиссея Дмитриади: «Без Элички я не мыслю себя в Тбилиси!»

14 июля 1978 года Марии Гринберг не стало. Елена Ахвледяни скончалась немного ранее – 30 декабря 1975 года.

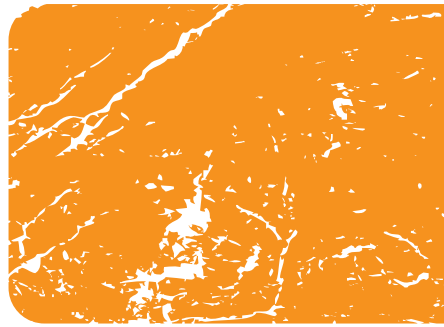
Но нет! Не хочется здесь ставить точку – такую печальную и совершенно не в духе Элички. Предлагаю вернуться в тот осенний вечер 1988 года.

Изучая жизнь и творчество выдающейся художницы, мне приходилось присутствовать на многих мероприятиях, претендующих передать дух Ахвледяновских встреч, и могу с уверенностью сказать, что очень немногим удавалось раскрыть секрет успеха. А он очень прост: высокая художественно-эмоциональная температура, основанная на прочной базе профессионализма и искренности человеческих отношений. Именно таким запомнился юбилейный вечер в доме-музее Елены Ахвледяни, посвященный 80-летию Марии Гринберг. Все тогда было безупречно. Ведущий вечера Айзик Ингер – яркая индивидуальность, ученый, литератор, одаренный ораторским талантом – проявил мастерство «арт-рассказчика» перед «избалованной» и требовательной публикой, среди которой не было «посторонних», а наличие портретов Елены Ахвледяни и Марии Гринберг кисти их общего друга – самого близкого и незаменимого представителя круга Элички – Кетеван (Кето) Магалашвили стало визуальным подтверждением царившего артистического настроения ахвледяновских вечеров.

Лия БУАДЗЕ

რუსული კინოს
III ფესტივალის
თბილისში

III ФЕСТИВАЛЬ
РОССИЙСКОГО
КИНО В ТБИЛИСИ

ФИЛЬМ ОТКРЫТИЯ

«Кококо», 2012, реж. А. Смирнова

БОЛЬШОЙ ЭКРАН

«Высоцкий. Спасибо, что живой», 2011, реж. П. Буслов

«Сибирь. Монамур», 2011, реж. В. Росс

«Духлес», 2012, реж. Р. Прыгунов

РЕЖИССЕРЫ 2000-Х

«Дочь», 2012, реж. А. Касаткин, Н. Назарова

«Летит», 2011, реж. С. Швыдкой, Ф. Ибрагимбеков

«Я тебя люблю», 2011, реж. П. Костомаров, А. Расторгуев

«Я тебя не люблю», 2012, реж. П. Костомаров, А. Расторгуев

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ МЕЙНСТРИМ

«Жить», 2012, реж. В. Сигарев

«Искупление», 2012, реж. Ал. Прошкин

«Конвой», 2012, реж. А. Мизгирев

«Борис Годунов», 2011, реж. В. Мирзоев

«В тумане», 2012, реж. С. Лозница

КИНО С АКЦЕНТОМ

«Бульварное кольцо», 2012, реж. Д. Барщевский

«Любовь с акцентом», 2012, реж. Р. Гигинеишвили

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

«Зима, уходи!» (док.), 2012, реж. М. Разбежкина

«Тарковские. Осколки зеркала» (док.), 2012, реж. И. Изволова

РЕТРОСПЕКТИВА ФИЛЬМОВ АЛЕКСЕЯ БАЛАБАНОВА

«Груз 200», 2007

«Жмурки», 2005

«Кочегар», 2010

«Я тоже хочу», 2012

ФИЛЬМ ЗАКРЫТИЯ

«Измена», 2012, реж. К. Серебренников

21-25 НОЯБРЯ 2012 ГОДА
ТБИЛИСИ

КАК ПРОЩАЛЬНЫЙ ПРИВЕТ

▲ Петр Фоменко

*Среди моря цветов
Один цветок мой...
Со святыми Петра
Упокой, упокой.
И последняя тайна
Перед ним здесь снята
И Христос из дали
Улыбнулся с креста.
И знакомы теней
Над землей хоровод,
Сколько близких людей
За чертой его ждет.
Среди моря цветов
Один цветок мой.
Со святыми его
Упокой.*

**13 августа, 2012 г.
Тбилиси.**

Слова этой песни-молитвы памяти Петра Фоменко зазвучали, как бы услышанные сверху. Потом сверху музыку стиха услышал композитор Тенгиз Джаиани и свел с голосом певицы Маки Шиукашвили. Все сложилось быстро и само собой, как случается когда людьми движет любовь, отчаяние и ненависть...

Да, ненависть к тем, кто сумел в несчастье, в горе разлучить нас.

Кто вклинил в отношения между нами визы, без которых мы не смогли стать у гроба друга, поклониться Петру Фоменко, с которым прошла наша юность и вся жизнь потом.

А потом ненависть ушла. Ей не осталось место в душе. Пройдет время, и надеемся, Господь осудит всех тех, кто старался и продолжает стараться разорвать крепчайшие нити, столетиями связывавшими наши народы. Все вернется на круги своя.

Много лет назад, тяжело болея и почти без надежды выжить, ты, словно прощаясь, прислал нам фотографию и написал на обороте несколько слов:

«Эта «фотка» на память от Пети Фоменко.

Дорогие, - спасибо, простите и дай Вам Бог.
Ваш П. Фом...»

И ты нас прости, Петя, прости, Фома. Ты знаешь, не по нашей вине мы не проводили тебя. Ты видишь нашу любовь, нашу гордость за тебя. Прими эти стихи, как прощальный привет.

*Когда-нибудь все будут прощены,
Когда не будет ни стыда, ни боли,
Лишь крест высокий в тихом светлом поле
Для всех друзей и недругов страны.
Когда-нибудь все будут прощены.
Когда-нибудь заплачет волк ручной
И притулится к твоему порогу.
Когда-нибудь всего так будет много,
Подаренного Богом и судьбой.
Когда-нибудь заплачет волк ручной!
Когда-нибудь здесь расцветет земля
В декабрьской стуже брызгами тюльпанов,
И ничего друг с другом не деля,
Друг другу все залижут кровь на ранах.
Когда-нибудь здесь расцветет земля.
Когда-нибудь высокий светлый дом
Раскроет дверь всем сирым и убогим,
Когда-нибудь любви так будет много,
Что явью станет мой предсмертный сон,
И каждый будет миром награжден.
Когда-нибудь падучую звездой
Я пронесусь по утреннему небу,
Глотком вина, и теплым белым хлебом
Помянут путь мой тяжкий и земной,
Когда-нибудь здесь кончится разбой.
Когда-нибудь вздохнут легко цветы,
Когда-нибудь здесь будешь счастлив ты,
Моей безумной и большой страны
Все люди будут Богом прощены,
Когда-нибудь...*

**Инга Гаручава
Петр Хотяновский**

Мир без преград. Группа ВТБ

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

1512-2972